

ДМИТРИЙ БИЛИК

ЗАСТЕНЕЦ
3

Дмитрий Александрович Билик
Застенец 3
Серия «Застенец», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70278742

Аннотация

Великий артефакт, позволяющий путешествовать меж мирами, вместо ответов подкидывает новые головоломки. И чтобы решить их, придется в очередной раз подвергнуть свою жизнь риску и пройти по самому краю смерти. Но разве это впервой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	82
Интерлюдия	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дмитрий Билик

Застенец 3

Пролог

– На Дунай с нами пойдешь? – спросил Радя. Вообще, конечно, Радомир, но так его называли лишь родители.

Огнян отрицательно кивнул и махнул на друга рукой, мол, потом, не сейчас. И чуть ли не бегом отправился домой.

Нет, обычно Огнян любил ходить с пацанами на реку, смотреть на проплывающие баржи, курить дешевые сигареты и играть в карты. Батко даже украл у отца старые игральные карты с голыми женщинами. Затертые, с ломаными краями, но по понятным причинам невероятно ценившиеся среди мальчишек.

Однако сегодня Огнян торопился. Еще утром вышла «Legacy of Killers 6», которую он так давно ждал. Заранее скопил нужную сумму, отказывая себе во всем. Поэтому утром первым делом, вместо посещения ванной и завтрака, включил компьютер, купил игру и поставил на закачку.

Семьдесят шесть гигабайт! Интернет у них был так себе. В Steame значилось, что через пять часов загрузка будет завершена. Как же Огнян извелся за это время. Никогда прежде уроки не длились так долго. Да что там, даже перемены слов-

но растянулись в вечность!

И вот теперь он бежал, нет, скорее, летел домой, предвкушая погружение в самую интересную игру всех времен. Прокочил монастырь святых Петра и Павла, за ним выбрался на улицу им. Тридцать третьего свиштовского полка. Теперь только дорогу перейти – и до дома рукой подать.

Городок у них небольшой, численностью всего сорок тысяч. Не чета даже Русе или Стара-Загоре. Про Варну и говорить нечего. К тому же не слишком богатый. Потому и светофоров здесь почти нет.

Огнян на ходу мотнул головой, и мимоходом убедившись в отсутствии машин, бросился вперед. Откуда взялся тот самый грузовик, он даже понять не успел. Вывернул из-за ближайшего поворота, наверное? Причем невероятно быстро, почти не сбавляя скорости, так что мальчишка и испугаться забыл.

Оглушительно закрипели тормоза, качнуло кабину, впрочем, стало совершенно понятно, что полностью остановиться старенький Mitsubishi Canter не успеет. Все произошло необыкновенно быстро, и в то же время – медленно.

К примеру, Огнян понял, что столкновения не избежать. Сейчас его собьют. Скорость высокая, поэтому тело, скорее всего, отбросит далеко на дорогу. Там ему переломает кости, а если совсем не повезет, то сломанное ребро проткнет легкое. Почему-то мальчик был уверен, что все произойдет именно так. К ним недавно в школу приходил офицер из

КАТ и долго рассказывал о всяких авариях и их последствиях.

Еще Огнян осознал, что ничего не успеет. Ни отпрыгнуть в сторону, ни сгруппироваться. Вообще, мальчишка на удивление много о чем успел подумать. В том числе, о загруженной «Legacy of Killers б», которая ожидала его. На мгновение стало так обидно, что захотелось плакать. Так долго он ждал этого дня, и так все глупо закончилось.

А уже затем все случилось. Огнян услышал жуткий скрежет сминаемого металла, увидел испуганного небритого водителя, который от удара подался вперед и полетел в лобовое стекло, почувствовал приятный запах каких-то непонятных цветов, внезапно возникший в воздухе.

Кабина Mitsubishi Canter превратилась в подобие банки из под Pepsi, на которую наступили. Водителя спас ремень безопасности, пусть о руль он и приложился здорово, зато хотя бы не вылетел. Только сознание потерял. Машина медленно стала откатываться назад, словно врезалась в невидимую стену. Стену, которая в короткий миг возникла между Огняном и грузовиком.

Мальчишка стоял, испуганный, но вместе с тем целый и невредимый. Остановившееся, казалось, время теперь текло вполне нормально, даже, возможно, быстрее. Лишь слабый цветочный запах по-прежнему кружил голову.

– Фрау Бок, у меня неутешительные прогнозы, – присел на край дивана доктор. – Прошло достаточно много времени, однако до сих пор никаких положительных сдвигов не случилось. Боюсь, у меня нет права давать Вам ложную надежду. Он так и останется в вегетативном состоянии.

– Неужели ничего нельзя сделать, герр Клаус? – спросила высокая худощавая блондинка лет сорока.

– Ничего, – пожал плечами доктор. – Можно поддерживать в нем жизнь и дальше. Кормить через трубку, выносить утки, делать массажи, однако сознание к нему вряд ли вернется.

Герр Клаусу было искренне жаль эту женщину. Когда к нему два года назад обратились для лечения национальной гордости, знаменитого гонщика, который ударился головой при катании на лыжах, доктор искренне считал, что это его шанс. Как только он поставит на ноги герр Бека, то станет еще более знаменитым. Да и дело было не в популярности. Ему действительно хотелось помочь.

Однако, чем больше проходило времени, чем больше методов лечения они пробовали, включая экспериментальные, а порой и просто запрещенные в большинстве стран, тем явственнее герр Клаусу становилось понятно, здесь уже вряд ли что-то решительно изменишь. Помочь Петеру Боку могло

лишь чудо. Медицина тут бессильна.

И еще доктору было искренне жаль жену знаменитого гонщика. Фрау Бок, несмотря на двадцать четыре года совместной жизни, до сих пор любила мужа (герр Клаус относил подобное явление также к разряду чудес, которые невозможно объяснить), и не жалела денег в попытке поставить супруга на ноги. Да что там, хотя бы добиться какого-то осознанного взгляда.

Уже были проданы две машины представительского класса, один спорткар и особняк в Марбелье. Деньги будто улетали в черную дыру, однако никакого существенного результата не приносили. И доктору Клаусу, как человеку честному и весьма обеспеченному, было неудобно продолжать тянуть немалые деньги из фрау Бок, понимая, что едва ли это что-нибудь изменит.

К тому же если говорить совсем начистоту, то Марта нравилась доктору. И не только как человек, заинтересованный в скорейшем излечении его пациента. К своему огромному стыду, герр Клаус желал ее как женщину. Причем с каждым днем все больше. И решительно ничего не мог с собой поделать.

– Есть неплохие европейские клиники, где за ним будут ухаживать должным образом, – продолжал он гнуть свою линию.

– Но перестанут лечить, – нахмурилась фрау Бок.

– Марта, – доктор впервые назвал ее по имени. Более того,

положил свою ладонь ей на руку. – Я скажу Вам откровенно. У него нет никаких шансов. Вся его дальнейшая жизнь – это жизнь овоща. Я понимаю, что это очень резкие слова. И их довольно тяжело принять, но...

Закончить ему не удалось. Что-то громко плюхнулось в комнате за лестницей. Именно там, где лежал Петер Бок.

Доктор напрягся, кожей чувствуя опасность. Тревожно взглянула на него и женщина, высвободив руку. А Герр Клаус торопливо соображал. Это точно не медсестра, он нарочно отправил ее отдохнуть в гостевой дом, чтобы остаться наедине с Мартой. Грабители? Едва ли. Все знают, кому принадлежит этот дом. Попытаться его обокрасть значило примерно то же, что и осквернить святыню. Животные? Собака во дворе. Более того, доктор видел ее прямо сейчас через панорамное окно. Тогда что, черт побери, там творилось?

Скрипнули половицы, испуганным вздохом отозвавшись в гостиную. Это Марта вскочила на ноги, но тут же замерла, словно забыв, как дышать.

Доктор тоже встал, решив, что не время дрожать от страха в присутствии дамы сердца. Он медленно, будто пытаясь отсрочить неизбежное, двинулся по направлению к комнате. Шаг, еще один, еще...

Выросшая в коридоре тень заставила сердце сжаться. Герр Клаус был хорошим специалистом, богатым человеком, однако храбростью его жизнь обделила. В отличие от того, кто вырос перед ним. Настоящего адреналинового наркомана,

который и лучшим гонщиком в мире стал именно поэтому.

Петер Бок был бледной копией самого себя. Не тот красавец, которого помнили по выступлениям в Формуле-1. Худой, небритый, с плохо отросшими после операции на мозг волосами. Он уставился на доктора непонимающим взглядом, однако после этого произошло еще одно не менее занимательно событие. Мужчина заговорил.

– Кто Вы?

– Я... Я...

– Петер! – вскрикнула Марта и бросилась в объятия к мужу. Слезы градом лились из ее глаз. Лишь спустя полминуты она оторвалась от супруга. – Это доктор. Герр Клаус. Он лечил тебя.

– Лечил меня? – переспросил Петер. – От чего?

– Ты упал на лыжах и сильно ударился головой. Разве ты не помнишь?

– Лыжи, – задумчиво пробормотал мужчина. – Да, мы ездили на лыжах. А потом... потом не помню.

– Герр Бок, скажите, пожалуйста, как Вы себя чувствуете? – с замиранием спросил доктор.

– Чувствую? Нормально, все в полном порядке. Только есть хочу.

Все, что оставалось вымолвить доктору – единственное слово:

– Чудо.

От звука поворачивающегося в замке ключа Юля вздрогнула. Казалось, вместе с открывшейся дверью оборвалась и ее жизнь. Толика настоящей жизни, которая начиналась, стоило девочке остаться одной. Она надеялась, что мать уехала к подруге и вернется поздно, когда уже все будут дома, но ей сегодня не везло.

– Юлька! – от голоса родной матери у девочки похолодело внутри. – Дома, что ли?

Она знала, что таиться бессмысленно. От этого может выйти еще хуже. Поэтому выскочила в коридор, натянув дежурную улыбку. Мать могла предъявить претензию и по поводу хмурого вида. Вообще, все зависело от настроения. Перед матерью невозможно было выслужиться, если та не в духе.

– Чего лыбишься, как идиотка? Продукты на кухню отнеси. И аккуратнее, яйца не разбей. Аккуратнее, говорю, уронишь же сейчас! В кого ты такая? Руки как из жопы.

Юля промолчала. Она знала, что лучший способ избежать конфликта – в такие моменты не замечать подобных упреков. К тому же мать сегодня была не в таком уж плохом настроении, как обычно.

Правда, стоило немного расслабиться, как девочке тут же прилетел подзатыльник.

– Посуду почему не помыла?

– Я только пришла, – попыталась оправдаться Юля.

– Пакеты разбери и мой давай. Скоро отец придет.

Конечно, для Юли он был никакой не отец – отчим. Но к Николаю девочка относилась хорошо. Хотя бы потому, что в его присутствии мать надевала маску «добрячки» и адекватной женщины. Так, поорет иной раз, но без рукоприкладства. А иногда Николай даже осадит ее, мол, чего к дочке прикопалась.

Правда, порой подобная защита выходила боком. Николай на работе был мастером, да еще на хорошем счету, частенько задерживался. Мать же «вела хозяйство». На самом деле этим занималась тринадцатилетняя Юля, однако кто девочке поверит? Поэтому как только за отчимом закрывалась дверь, Юльке припоминалось все.

На людях они были образцово-показательной семьей. Мать – эффектная женщина, способная украсить любой вечер. Николай – высокий молчаливый мужик с золотыми руками, клюнувший в свое время на красивую обертку. Юлин младший брат – красивый трехлетка с кудрями пшеничного цвета, которого девочка любила, скорее, вопреки всему. И она – угловатая, несмышленная, рукожопая, так похожая на «этого уroda».

Этим уродом являлся ее настоящий отец, который сбежал от матери давно, девочке еще и пяти не было. Просто в один день его нервы сдали, и отец не пришел домой. В следующий

раз муж с женой встретились в ЗАГСе по весьма серьезной причине: развод.

Отец даже пытался первое время видаться с Юлей, приносил игрушки и конфеты. Их мать рвала и выбрасывала. Игрушки обязательно были «дешевой дрянью», а от конфет девочку могло «разнести». Кто ее такую потом замуж возьмет?

Самого же отца бывшая жена все время материла и при каждой встрече всячески выносила мозг. Поэтому скоро он забыл к ним дорогу. Хотя алименты платил исправно.

Юля не винила его. Если бы она могла, то сама бы сбежала. Только куда? Родители матери умерли, бабушка со стороны отца тяжело болеет. Вот и осталась девочка одна в этом мире. Жила, сама не понимая, ради чего.

Многие ее сверстницы мечтали стать богатыми, знаменитыми, успешно выйти замуж. Юля была более приземленной. Она мечтала, что закончит девятый класс и тут же поступит в колледж. Любой, главное, чтобы предоставляли общежитие.

Вот и сейчас она так задумалась, что не заметила, как вытянутая кружка с надписью «Все люди, как люди, а я королева» выскользнула в эмалированную мойку и разбилась. У Юли кровь застыла в жилах.

Девочка замерла, только вода теперь шумела на кухне. Она бы сейчас отдала все, чтобы стать крохотной, незаметной. Чтобы ее вовсе не существовало. Однако уже слышала, как шаркают тапки по линолеуму.

Разбить кружку – полбеда. Разбить Ее кружку – это катастрофа.

Мать влетела на кухню, остановившись на секунду, чтобы оценить масштаб трагедии. И как только увидела белые осколки с той самой надписью, скрипнула зубами. Ее глаза налились кровью, как у быка на корриде, а ярко накрашенные губы выплюнули единственное слово: «Дрянь!».

Юля сама не поняла, как все произошло. Она схватила огромный нож, лежащий в мойке и выставила перед собой. И только после испугалась своей поступка.

– Нож положи, – прошипела мать.

– Я... я не хотела... Прости меня, пожалуйста. Я...

– Положи нож. Ты же не хочешь, чтобы кто-то поранился? – голос матери стал на удивление спокойным, даже завораживающим. Словно она сейчас была опытным заклинателем змей, а Юля – опасной коброй.

– Мамочка...

– Положи его, и мы с тобой поговорим.

Девочка бросила нож в мойку. Нержавеющая сталь лязгнула, брызнула вода, а после все начало разворачиваться с поражающей скоростью.

Мать рывком схватила с батареи полотенце, которым обычно они протирали стол, и принялась хлестать дочь. Зло, в исступлении, еще больше заводя себя. Девочка сползла на пол и замерла возле плиты, пытаясь прикрыть лицо от ударов. Она знала, что если останутся синяки на видимых участ-

ках тела, ей придется еще хуже.

Юля молчала. Всхлипывала, вздрагивала от каждого удара, но не произносила ни слова. Обычно мольбы девочки лишь подстегивали мать. Надо терпеть. Сейчас она устанет, всегда устает.

Так и произошло. Вскоре мать тяжело задышала, согнулась пополам и стала злобно сверить дочку взглядом.

– Мразь, – тихо произнесла она с ненавистью. – И зачем я тебя родила? всю жизнь мне испоганила. Ты и твой папаша.

Юля молчала. Она слышала это не раз и не два. Обычная история для обычного дня. Нельзя давать ей дополнительных поводов злиться. Надо терпеть.

Вот только именно сегодня с девочкой было что-то не то. Юля почувствовала, как в груди медленно поднимается странное, непонятное. Сначала испугалась, что ее стошнит прямо сейчас, здесь. И тогда мать совсем не успокоится. Но позже осознала, что происходящее внутри было непохоже на что-либо ранее испытанное. Сила. Чужая, незнакомая, пугающая.

Девочка, подняв голову, посмотрела на мать, чем заслужила новую порцию оскорблений.

– Ну что ты глаза вылупила, дегенератка? Мало тебе?

Она даже замахнулась, чтобы ударить ее и... застыла. В глазах матери сквозило непонимание, растерянность и страх. Чувство, так знакомое девочке и настолько чуждое этой взрослой женщине.

Мать дернулась, однако безрезультатно. Словно увязла в большой невидимой паутине. Женщина билась как муха, чувствующая скорое приближение паука. И Юля неожиданно для себя поняла: паук – это она сама.

Девочка неторопливо поднялась, разглядывая собственные руки. Нет, ничего не произошло, они были прежними. Не светились пальцы, не пылало пространство, не изменилось гравитационное поле вокруг. Даже вода все еще шумела в мойке.

Юля неторопливо подняла руку, однако ничего не произошло. Потом она подумала. А если быть точнее – «захотела». Мать отбросило к стене, припечатав с такой силой, что у женщины изо рта вырвался слабый стон. И тогда девочка поняла: это правда, это все делает прямо сейчас она.

– Юлечка, послушай, Юлечка... – торопливо тараторила мать, пытаясь носками тапок достать до пола. Однако девочка была сосредоточена, даже излишне, сконцентрировавшись на своих новых способностях. – Давай успокоимся. Скоро придет отец, надо Леву еще из садика забирать. Давай, ты меня отпустишь.

Мать замолчала. Потому что дочь внезапно посмотрела на нее, словно очнувшись от долгого сна. И взгляд этот показался женщине чужим.

– Ты больше никогда не тронешь меня, – твердо и холодно произнесла Юля.

И громкий женский крик заглушил ее слова.

Глава 1

Максутов уверял меня, что если придерживаться определенных правил, то в целом жизнь останется прежней. Однако перемены случились уже на следующее утро. Сначала ко мне прибыли люди с внимательными добрыми лицами (на самом деле нет) и долго говорили, что вчера ничего не было. А если и было, то мне показалось. И ежели я вдруг захочу что-нибудь сболтнуть на тему того, что мне кажется, то лучше не надо этого делать. В общем, говорили все полунамеками, но в предельно доступной форме.

Будто и без них не было понятно. Максутов велел сидеть тише воды, ниже травы, лишний раз не отсвечивать и вообще – начать заниматься каким-нибудь полезным делом: марки собирать, бабочек коллекционировать или флористикой увлечься. Короче говоря, всем тем, где общение с людьми сводилось на нет. И впервые в жизни мне не хотелось спорить. Понимал, к чему все может привести.

Второй переменной стало снятие Конвоя. Я с непривычки около минуты ожидал, пока господа казаки соизволят выбраться из соседнего дома. Там, вдали от Васильевского острова, я сам не всегда вставал к первому уроку. Впрочем, после томительного ожидания мне почему-то пришло в голову посмотреть через стены. Не знаю, что я хотел увидеть? Однако увидел. Пустые комнаты, которые без защитного закли-

нения просматривались на удивление легко.

Что ж, определенная логика в этом была. Главный вредитель ликвидирован, моей жизни ничто не угрожает, так есть ли смысл теперь тратить драгоценные ресурсы на защиту непонятно кого? К тому же, после гибели трех единичек (Никитина я тоже занес в список «безвозвратно потерянных»), каждый конвойный маг был на счету. Вообще оставалось лишь надеяться, что застенцам ничего не удастся пронюхать о произошедшем и смерть Романова в том мире пройдет незамеченной.

Поднялся ни свет ни заря я по одной простой причине – нужно было решать проблему с племянницей Иллариона. Конечно, это не самая первоочередная задача, но только попробуй заняться чем-то по-настоящему важным, когда за тобой по пятам ходит слуга и чуть ли в рот не заглядывает. Это немного раздражает. К тому же Варя сама сказала, что все готово.

На сей раз в госпиталь я попал без всяких проволочек, стоило всего лишь накинуть на себя Шарм. Сторож даже поздоровался и фуражку снял. Нет, не то чтобы я пользовался своей магией по всяким пустякам, однако препираться с недовольным стариком и терять драгоценное время мне хотелось меньше всего.

Варю я нашел на третьем этаже, хоть и пришлось немного побегать и поспрашивать. Мне вообще непонятно – она когда-нибудь отдыхает? Или все время только и занимает-

ся тем, что работает? Если честно, подобная самоотверженность пахивает какими-то психологическими проблемами. Правда, когда я разговаривал с Варварой, то думал о них в самую последнюю очередь.

Что интересно, она бегала как ошпаренная. Впрочем, как и все остальные медсестры. Судя по всеобщему оживлению, в госпитале творилось явно что-то необычное. Никогда подобной суеты не видел.

– Пойдем, Николай, – сказала Варя, – я доведу тебя до Сильвестра Александровича, он у нас старший врач и по совместительству один из попечителей госпиталя. Только быстро, времени нет совершенно, работы много.

– А что случилось?

– Семнадцать магов из комы ночью вышли. У нас после сильнейшего Разлома случилось, что пара человек, ну, может три, а тут семнадцать.

Угу, действительно, что бы такое могло произойти? Даже в догадках теряюсь.

– С Сильвестром Александровичем я поговорила, как ты и просил, – рассказывала она на бегу. – А он ответил, что должен встретиться с тобой лично.

– Хорошо, – согласился я, поглаживая набитый купюрами карман.

К диалогу я подготовился основательно. Оставалось лишь надеяться, что мои финансовые возможности совпадут с аппетитами главврача. Ну, или кем здесь был этот Сильвестр

Александрович.

Остановились мы в конце коридора у самой обычной двери. Ни красивой секретарши, ни мягких кресел, ни красной дорожки. Это хороший знак, возможно, удастся договориться.

– Николай, – покраснела Варвара Кузьминична. – Мне бы не хотелось участвовать в... этом.

– Понимаю. Да и работы у тебя много. Спасибо, что проводила, дальше я сам.

Хотя, справедливости ради, и мне не хотелось участвовать в коррупционной схеме. Я всю жизнь считал, что надо бороться с порочной системой, а не становиться частью ее. Только я решительно не понимал, как помочь племяннице Иллариона другим способом.

Попросить об услуге Максутова? Чтобы он надавил куда надо. Возможно, все бы даже получилось. Вот только что может связывать безродную Ладугу и Его Превосходительство? Начались бы вопросы, поползли сплетни. Рано или поздно все равно бы вышли на меня.

Действовать согласно закону? Написать какое-нибудь письмо в надзорное ведомство? Так Илларион писал. Точнее, нанимал местного «толмача», как он сам выразился, для грамотного составления. И слуге даже ответ пришел на двух страницах, выражающих одну мысль: «в связи с загруженностью медицинских учреждений в данный момент Ваше обращение не может быть рассмотрено». Абонент не абонент,

перезвоните позже.

Короче, воевать законными способами, наверное, и было возможно. Только пробивать лбом кирпичную стену желаний не возникало. Стены тут строили на совесть, а лоб у меня чуть мягче, чем хотелось бы.

Я понимал, что сейчас сам становлюсь ничем не лучше тех, кто эти деньги берет. Но осознавал и другое – если есть возможность помочь хорошему человеку, то надо пробовать все варианты.

Поэтому коротко постучал костяшками пальцев и открыл дверь.

– Сильвестр Александрович, к Вам можно? Имею честь представиться, граф Ирмер-Куликов.

– Проходите, проходите.

Старший врач госпиталя оказался невероятно высоким, широким в плечах и одновременно жилистым человеком. Лицо его было худым, с торчащими скулами, словно попечителя не докармливали последние десять лет. И вместе с тем рукопожатие вышло невероятно крепким.

Он рассматривал меня маленькими близко посаженными карими глазами, левой рукой приглаживая уложенные пробором волосы.

– Присаживайтесь, если не ошибаюсь, Николай Федорович?

– Не ошибаетесь.

– С каким вопросом пожаловали?

Старший врач смотрел пристально, и мне казалось, что он меня изучает. Того и гляди, сейчас достанет скальпель.

Я представил, как чеканю мяч двумя ногами, и сила тут же хлынула наружу, образуя Взор. Удобно, когда не надо создавать кованые или витые формы, которые заметит собеседник.

Увиденное привело меня в замешательство. Во-первых, Сильвестр Александрович был очень старым. По моим меркам, конечно. Лет восемьдесят, может, чуть больше. Он явно оказался на Ваське не просто так, попал под программу «переселения». Еще – старший врач был магом, что неудивительно. Сходу так и не распознаешь ранг, но по ощущениям – явно выше четвертого.

Что до человеческих качеств, то тут все оказалось сложно. Как, впрочем, бывает всегда. Трудно было бы встретить бессребреника в столь почтенном возрасте. Да еще профессия врача накладывала дополнительный отпечаток цинизма. Я чувствовал смерть, кровь, скорбь и усталость. Поэтому поспешил скинуть Взор.

Легче после всего не стало. С другой стороны, что я хотел увидеть? Белого и пушистого зайку, который жертвует все деньги на борьбу с голодающими детьми в Африке? По этой квоте уже проходила Варвара Кузьминична.

– В недомской больнице лежит родственник близкого мне человека, – смущаясь, начал я.

– Так, так, – заинтересованно взял в руки карандаш стар-

ший врач, словно услышав точный диагноз, который незамедлительно требовалось записать.

– Лечение, которое ей оказывают, не дает должного результата. Если там вообще есть какое-то лечение. Поэтому я бы... очень хотел... и был признателен...

Подходя к финальной цели нашего разговора я стал запи- наться и краснеть все больше. Блин, говорил же, что у меня нет никакого навыка давать взятки. На этом надо, в конце концов, руку набить.

– Если бы появилась возможность перевести ее в Ваш гос- питаль.

– Угу, – кивал старший врач, что-то записывая.

Ага, знаю, сейчас он покажет мне записку, я скажу: «Чего так много», напишу свою сумму, и в итоге мы договоримся. Так же в фильмах бывает?

– Сказать по правде, в связи с сегодняшних всплеском, у нас скоро может появиться несколько свободных мест, – задумчиво ответил Сильвестр Александрович. – Однако мы весьма ограничены в ресурсах.

Я уже даже почти полез в карман за деньгами, думая, то дело практически решено.

– У нас строгая подотчетность в лекарствах, амулетах и прочих необходимых ингредиентах.

– Понимаю, понимаю, поэтому готов оказать любую мате- риальную поддержку.

– Замечательно, – улыбнулся старший доктор. – Замеча-

тельно, что мы понимаем друг друга. Тогда небольшого сульфара, скажем, граммов на сто пятьдесят, будет вполне достаточно.

– Сильвестр Александрович, в данное время у меня нет сульфаров. Существует ли возможность отдать деньги, а Вы уже...

– Если бы все было так просто, молодой человек, – улыбнулся врач. – В любом случае, Вы мое условие услышали.

– Хорошо, давайте я привезу вам девочку, вы начнете лечение, а чуть позже достану сульфар.

– Хотите, я Вам дам очень дельный совет, молодой человек? – посмотрел на меня Сильвестр Александрович, и от этого взгляда мне стало не по себе. – Всегда работайте по предоплате. Сможете избежать очень много проблем.

Он снова стал писать что-то карандашом, и только спустя секунд десять я понял, что разговор в целом закончен. Первая попытка дать взятку потерпела сокрушительное фиаско. Блин, я же говорил, что для этого определенный талант нужен. Вообще, надо Зейфарту сказать, чтобы в лицее ввел дисциплину «Взяточничество и казнокрадство».

По пути к выходу я отметил, что в госпитале действительно царит невероятное оживление. Значит, после смерти Романова его дар распределился среди остальных магов? Интересно, я, к примеру, стал сильнее? По ощущениям – вроде нет. Надо будет как-то тихонечко проверить своих друзей на предмет обретения невероятного магического могущества.

На улице я начал думать более приземленно. Если гора не идет к Магомету, то все-таки придется двигаться к возвышенности. Обидно, но что тут поделаешь? Хорошо, Сильвестр Александрович, не хотите заниматься самостоятельной закупкой сульфара (тут и в карман себе можно что-нибудь положить), сделаю все за Вас, так и быть. К тому же адреса некоторых ломбардов я знаю.

Вот только после посещения четвертого торговца по списку стало понятно, почему старший врач не захотел самостоятельно бегать и скупать сульфара. Их попросту не оказалось!

Как я понял, схема изящная и незамысловатая – у ломбарда существуют постоянные клиенты, которым хозяин если что намекает: товар в наличии, можно приходить. Более того, сульфар «грамм на сто пятьдесят» – это вполне себе внушительный кристалл. Такой на дороге не валяется и редко из какой твари среднего порядка выпадает.

Вот и оказалось, что это не Сильвестр Александрович лопух, а Николай Федорович. Взяточник недоделанный, блин. Даже по протекции не может человека в госпиталь засунуть. И что делать? Где этот сульфар брать?

Все-таки подключать Максутова? Что-то внутри меня противилось этому. А с недавних пор я стал прислушиваться к внутреннему голосу. Как-то он перестал меня подводить. Или спросить совета у Будочника? Вот это ближе к телу.

Но сначала надо бы посетить лицей. Из-за несостоявшейся попытки подкупа я и так пропустил несколько первых

уроков. С другой стороны, повел себя так, как говорил Максудов – после первого месяца учебы студиязусы стали вести себя более расслабленно, и участились прогулы.

Поспел я аккуратно к третьему уроку, на «Свойства магических печатей». Класс позевывал, некоторые пялились в окно на морозящий дождь, а учитель скрипел мелом по доске, рассказывая что-то об объединении сил. Не думал, что магия может быть такой скучной.

– Коля, сколько нужно жандармов, чтобы создать печать? – спросил придвинувшись ко мне Протопопов.

– Шесть, – зарубил я на корню вариацию популярной шутки. – Двое создают, остальные пишут донос Императору. Ты лучше скажи, как у тебя с ковкой?

– Потихонечку-полегонечку, – ответил Макар. – А что?

– Да есть тут дело одно.

Я стал объяснять Протопопову входные данные.

– Можем не успеть, – сказал Макар. – Да и делать я могу только в лицее. Тут верстаки, горнило, да и прочее. К тому же, деньги понадобятся.

– По поводу денег можешь не переживать. Если бы все решалось с их помощью, – грустно вздохнул я.

Снаружи мощно гроыхнуло, правда, без молнии. Дождь забарабанил по карнизам, вода устремила потоками вниз. Да, видимо, сегодня мы остались без футбола.

Вообще, переход к зиме – наиболее сложный период для «самого летнего вида спорта». В той же Самаре больших ма-

нежей всего пара, да и то они появились в последнее время. Мини-футбольных – это пожалуйста. Но в любом случае, надо что-то решать. Тренироваться под дождем в парке по колено в грязи – удовольствие ниже среднего.

И тут гроыхнуло второй раз. Пусть дальше, но вместе с тем сильнее. По коже побежали мурашки, а я понял – это не просто гром. И заунывный колокольный звон, вторивший звуку, лишь подтвердил мою догадку.

Я ждал. К примеру, очередного масштабного вторжения. Что если смерть Романова спровоцировала не только пробуждение коматозников? Однако к звону колокола не присоединялись его собратья. Значит, прорыв случился лишь в одном месте.

– Лицеисты, строимся и спускаемся в холл на первом этаже, – наконец пришел в себя наш учитель. – Господин, Ирмер-Куликов, командуйте.

Ну да, у звания портупей-юнкера были и свои недостатки. Я поспешно разбил наших нулевок на две шеренги, и мы быстрым шагом спустились вниз, где уже собирались остальные классы.

Собирались полные решимости, без всякого страха, разве что на лицах можно было прочесть некоторую тревогу. Разлом в первый раз – это ужасное событие, которое пробирает от ужаса до костей. В пятый – уже определенная неизбежность. Как поход к зубному врачу, от которого нельзя отвертеться.

К тому же сейчас в холле собрался весь лицей, включая учителей. А это вообще немалая сила. Если сюда решит сунуться какая-нибудь тварь, то мало ей не покажется.

Единственное, не было Зейфарта. Он появился спустя минут десять и успокоил нас.

– Господа лицеисты, последствия Разлома в городе устранены, можете возвращаться в классы.

Ну вот. Я даже на мгновение обрадовался, что вот он, сейчас сульфар сам прибежит в руки. А тут «последствия устранены». Никакого праздника, блин.

Оставшиеся уроки я отсидел на автомате, на «Изучении иномирной фауны» и вовсе заснул на полчаса. А что, я виноват, что про зубастых тварей низшего порядка можно говорить так нудно? К тому же почти бессонная ночь брала свое.

Зато когда мы собрались покинуть лицей, нас ждал сюрприз. В холле происходило какое-то оживление. Старшекурсники буквально облепили Зейфарта и заглядывали ему в рот.

– Это что там? – спросил я одного знакомого «семерку».

– Императору, вроде как, застенцы просьбу о помощи прислали. Не могут справиться с Разломом. Вот и набирают добровольцев из старшекурсников.

– Почему лицеистов, а не военных?

– А я почем знаю?

Я протиснулся вперед, бесцеремонно расталкивая локтями стоящих рядом.

– Господа, еще два места. Кто изъявит желание? – спросил Зейфарт. – Мы должны показать Императору свою доблесть.

– Я, Ваше Превосходительство.

– Николай, мы не берем юнкеров из подготовительного класса. Только тех, кто способен создавать заклинания пятого ранга.

Я пожал плечами. А после вытянул руку и сотворил Образ того самого бешеного ежа, от нашествия которых мы отбивались при последнем Разломе. Еж проворно спрыгнул на пол и понесся прочь, заставляя лицеистов вскрикивать и отпрыгивать в сторону.

– Заклинание Образ, пятый ранг, – сказал я. – Могу Ружье создать, только скажите в кого стрелять.

Раз Император думал, что я все равно пятого ранга, так чего мне таиться? Тем более тут такое события намечается.

Зейфарт нахмурился, но все же кивнул и записал мое имя в листке, прикрепленном к планшету.

– И еще меня, Ваше Превосходительство, – появился из-за спин Бабичев. – В ту же группу.

Глава 2

Забрали нас прямо из лица, даже домой не дали захватить. Единственное, Зейфарт разрешил написать письма близким, чтобы не волновались. Я сначала хотел выдать что-то: «Уехал на войну во славу Императора и его Примархов», но потом подумал, что тетя юмора не оценит. И вместо этого черкнул: «Отлучился по делам, буду поздно вечером или ночью, не волнуйся».

Я, конечно же, не представлял, когда мы вернемся. Но напиши я «уехал на пару дней», тетя бы такой гвалт подняла. Она так и так начнет суетиться, если я не вернусь до завтра. Тогда я господину Зейфарту очень не завидую. Магических сил у нее еще дня на три, а упорства и твердолобости на много лет вперед. Если понадобится, до самого Императора дойдет. К тому же с ним она теперь знакома.

Но все же я надеялся, что рейд пройдет довольно быстро. Надо добраться до Разлома, найти тварей и уничтожить их. Правда, меня немного напрягал момент, что с этим не справилась регулярная застенная армия. Да что уж говорить, все это напрягало довольно сильно. Ладно, посмотрим на месте, что там за ситуевина.

– Как думаете, почему взяли лицеистов, а не военных? – спросил я старшекурсников, которые ехали со мной.

Нас разделили поровну и посадили в подогнанные закры-

тые кареты с императорским гербом. Конечно, пришлось потесниться, кареты оказались рассчитаны всего на четверых, однако и лицеистам было далеко до крупных господ, привыкших хорошо кушать и кататься на подобных экипажах. Теперь мы гнали через весь город. Куда? Да Бог его знает.

– Либо у нас не хватает сил, что чушь; с любым Разломом справился бы маг первого уровня, – ответил Извольский, который оказался в моей группе. – А у нас их вон сколько.

В этот момент я прикусил язык. «Вон сколько» вчера уменьшилось ровно на три человека. Это я еще самого Романова не посчитал. Для нашего города, где маги такого уровня были наперечет – потери катастрофические.

– Либо, – продолжал племянник министра, – Его Величество хочет продемонстрировать нашу силу.

– Это каким образом? – впервые подал голос Бабичев.

– Если с последствиями Разломов могут справиться обычные юнкера, то что говорить о подготовленных магах, – догадался я.

– Именно, – чуть заметно улыбнулся Извольский.

Определенный смысл в этом был. Хотя я не отмел и первый вариант. В общем, война план покажет.

Как выяснилось, везли нас к верфи, точнее, к кораблю. И даже отсутствие реки близ Васильевского острова никого не смутило по одной простой причине – корабль был воздушный. Тот самый дирижабль, который я увидел, впервые посетив Петербург.

Все это время его держали на земле. Я даже думал, что воздухоплавательное судно давно разобрали. А что? Необходимости в нем особой не возникло. Только теперь до меня дошло – это ведь действительно один из самых быстрых способов группе магов добраться из точки А в точку G. В смысле, к черту на рога. В место, о существовании которого никто не подозревал.

Посади таких в машину, или еще чего доброго – в самолет, так подобное путешествие прервется довольно быстро. По вполне понятным причинам.

– Господа юнкера, – встретил нас сдержанной улыбкой Максутов. Рядом с ним стояли еще несколько военных.

Правда, все его благожелательное настроение развеялось, как легкий дым на сильном ветру, стоило Игорю Вениаминовичу увидеть меня.

– Проходите, скоро поднимаемся. Там все и расскажу.

Он жестом пригласил нас внутрь, злобно зыркнув на меня. Поняв намек, я пропустил всех лицеистов вперед. Чувствую, сейчас мне распеканция будет.

– Когда я сказал – никуда не соваться, Николай, это означало никуда не соваться, – прошипел он, давая знак военным. Те сразу побежали отвязывать аэростат от пристани.

– А я думал это образно, – попытался пошутить я. Неудачно. – Игорь Вениаминович, Зейфарт говорил о необходимости показать нашу доблесть Императору.

– Его Величество бы с удовольствием поглядел на любую

дружую доблесть, а не на твою.

На этом наша короткая перепалка прекратилась, потому что я оказался внутри. И обомлел.

За свою жизнь я бывал во всяких богатых местах. К примеру тетя, пытаясь приобщить меня к прекрасному, пару лет назад водила в Самарский академический театр оперы и балета. Почему-то она считала, что четырнадцатилетнему подростку жуть как охота посмотреть на завывания какой-то толстой тетки. Короче, к опере я остался равнодушен, слов не понял, да и не выспался в тот день, поэтому и прикорнул. Позднее меня тетя с негодованием отчитала.

Еще как-то мы с пацанами ходили к Фигурнову, слывшему мажором, в гости. Тот расхаживал по двухэтажному особняку и хвалился, что и сколько стоит.

Жилплощадь того же Шелии весьма внушала.

Однако до сих пор в настолько богатых помещениях (если можно было так назвать громадную гондолу), я еще не бывал. Ощущение, что мы находимся на Императорском дирижабле, возникло сразу. Резное дерево сменялось позолотой, на каждом шагу виднелись вензеля и царские гербы. От вида ковровой дорожки, уже изрядно испачканной ботинками лицеистов, мне стало и вовсе не по себе.

– Проходите, господа юнкера, сейчас введу вас в курс дела, – появился за моей спиной Максутов.

Он поднял руку, приглашая нас размещаться. И мест было предостаточно. Эта вытянутая комната представляла со-

бой основное помещение для путешественников: огромные смотровые окна, мягкие кресла со столами по обе стороны от прохода, а судя по запаху – позади была еще кухня, где сейчас что-то готовили. Надо сказать, что я буду курицу, а не рыбу.

Уж не знаю, как должен выглядеть первый класс в самолетах, но мне казалось, что как-то так. Что интересно, даже тот же Извольский оробел от подобной роскоши, чувствуя себя не в своей тарелке.

Но мы все-таки расселись, причем, рядом со мной приземлился Бабичев.

– Если кто не знает, меня зовут Максутов Игорь Вениаминович, я председатель Государственного Совета, маг первого ранга.

Я посмотрел на юнкеров. Их лица свидетельствовали, что светлейший князь пока только тратил свое драгоценное время. В Петербурге не было собаки, которая его не знала. Что и говорить про благородных.

– Я буду руководить операцией по ликвидации тварей из Разломов за Стеной.

Забавно, что Стены давно не было, а присказка осталась. Наверное, теперь уже навсегда.

Судя по удаляющемуся городу, мы начали подниматься. Причем, происходило все это мягко, неторопливо, намного приятнее, чем на самолете.

– Сегодня в мире произошло несколько Разломов. Со сво-

им мы справились легко, а вот у застенцев появились некоторые проблемы. После недолгих колебаний они обратились к нам.

– Ваше Высокопревосходительство, – поднял я руку, – а что известно об иномирных тварях?

– Мы имеем дело с Медузами, – ответил Максutow. – Ментальные существа низшего порядка. Тупые и невероятно неприятные. Если кто-то из них прикоснется к вам, то кошмары на пару месяцев обеспечены. Если присосется...

Игорь Вениаминович красноречиво покачал головой, давая понять, что именно этого допускать никак нельзя.

– Самое лучшее, что с вами может случиться – настойчивые галлюцинации, временное помешательство. О худшем я бы предпочел не говорить.

– И Вы уверены, что именно мы с этим справимся, Ваше Высокопревосходительство? – подал голос Аввакумов.

– Все под контролем, – легкомысленно ответил Максutow. – Вы займете позиции, а я выгоню существ на вас. Под прицелами камер застенцев вы разберете Медуз на части. По мнению Императора, простые учащиеся лица, вчерашние мальчишки, которые способны уничтожить иномирных тварей, произведут должное впечатление.

Ага, значит, все-таки второй сценарий. Меня напрягал вот этот момент с «о худшем лучше не говорить». С другой стороны, обнадеживало, что Максutow будет с нами. Получается, все действительно должно пройти, как занятие в тире.

– Что еще за камеры? – шепотом спросил Извольский.

– Устройства, которые могут запечатлеть настоящее, а потом воспроизвести заново. Короче, легче показать, – ответил я, а сам поднял руку. – Ваше Высокопревосходительство. Мы имеем право забрать сульфары?

Максутов подергал тонкий ус и улыбнулся.

– Видимо, именно подобное обстоятельство и заставило Вас вызваться, господин Ирмер-Куликов?

– Не без этого, – честно признался я. Чего душой кривить.

– По договоренностям с застенцами, все полученные трофеи наши. Правительство недомов больше интересуется вопросом с жертвами. Медузы появились в городе. Огнестрельное оружие их не берет, использовать ракеты нельзя. Поэтому в дело вступит магия.

Я посмотрел в окно. Мы пролетали рядом с Самарской Лукой, удаляясь от города. Причем, делали это на удивление бодро – картинки внизу менялись достаточно проворно. Вот тебе и дирижабль. Я считал, что наше путешествие будет продолжительным. Стало ясно, что до вечера точно домой вернусь.

– Как называется город? – спросил я Максусова.

– Тольятти.

Угу, теперь стало понятно, почему такой переполох. Второй по населению город в области, родина великого и ужасного российского автопрома. Думаю, произойди все в том же Жигулевске, которой располагается неподалеку, так этих

Медуз зафигачили бы артиллерией. И слова никто б не вякнул. Хотя, может и нет. В последнее время я просто перестал быть оптимистом по поводу власти. Любой, по обе стороны уже снятой стены.

Максутов продолжал давать ценные указания. К примеру, выяснилась еще одна неприятная особенность Медуз. Чувствуя опасность, они на непродолжительное время могли становиться невидимыми. Хотя Игорь Вениаминович успокоил нас, что длится все это не больше пары секунд, и магический урон в это время вполне себе проходит.

Что-то я слушал, слушал и все меньше мне это путешествие начинало нравиться. Сходил, блин, в магазин за сульфаром. Однако отступать уже было поздно. Скоро вдалеке показался город, залитый октябрьским дождем, оттого серый и невзрачный.

Мы опустили, при том значительно снизив скорость. Теперь мне и правда стало интересно, на какой такой тяге мы летим. Какой тут двигатель используют? И используют ли?

К слову, наше появление тоже не осталось незамеченным. Люди внизу показывали пальцами, снимали на камеры телефонов, кто-то даже приветливо махал. Надо же, мы теперь официально союзники, что ли? Интересно, что про иносов говорят по телеку?

Куда мы летели, я не разбирался. В русском Детройте мне бывать не доводилось. Но когда вдали показалась широкая улица с несколькими воронками и оцеплением, я понял –

прибыли.

Ничего примечательного: длинный дом в виде знака вопроса, расположено еще одно жилое здание чуть повыше, со стороны главной улицы дублер, полностью очищенный от машин, с другого угла ярко освещенный торговый центр. Обычный спальный район, каких много, с той лишь разницей, что именно этим ребятам «посчастливилось» увидеть Разлом воочию.

Пока мы садились, пролетела пара вертолетов, да и военные продолжали прибывать. Никакой недооценки противника у застенцев не было. Честно говоря, мне самому стало не по себе. Мы точно должны здесь справиться одной левой?

Встречал нас какой-то толстомордый генерал, выполнив воинское приветствие. На удивление, Игорь Вениаминович ответил тем же. Они заговорили, а я тем временем обратил внимание на людей, которым оказывали помощь.

Те выглядели жутковато. Одеты нормально, вполне чистые, вот только взгляд у каждого какой-то потерянный, словно находятся не здесь. Один что-то бормотал под нос, другой раскачивался, как Слуцкий во время матча, парочка смеялась, еще больше плакали. Что-то мне подсказывало, что эти люди точно Медуз видели. Неясно только, смогут ли они пережить это потрясение, или так и останутся слегка ненормальными.

Вскоре к нам подошел Максутов, сверкая под вспышками фотоаппаратов, как голливудская звезда. Я даже не понял,

в какой момент рядом появились журналисты. Военные не подпускали их близко, и то спасибо.

Противно жужжа, над нами летало с десятков коптеров, явно ведущих прямой эфир. Ну да, кому Разлом и сумасшедшие, сидящие под холодным дождем на тротуаре, а кому – шоу и рейтинги. И самое мерзкое, что нам предстояло в последнем участвовать.

Я из озорства поглядел на один из коптеров, подлетевший слишком близко, и представил, как делаю финт Кака. Несчастное летающее устройство рухнуло на дорогу, а остальные неторопливо отделились.

– Застенцы говорят, что Медузы в том дворе, – сказал Игорь Вениаминович, указывая на дом в виде вопросительного знака. – Я останусь здесь и прошупаю местность Надзором. Общаться будем с помощью Шепота. Вы заходите – убиваете Медуз и возвращаетесь победителями. И да, – посмотрел он на меня, – сульфары можете забрать.

Я кивнул. Про Надзор я читал – нечто вроде сканера на большую площадь, когда важнее чувствовать, а не видеть. Вполне разумно использовать его здесь. Так Максутов будет иметь четкое представление о количестве тварей.

Шепот – своего рода пейджер в режиме онлайн. То есть Игорь Вениаминович может посылать нам сообщения, без возможности получить ответ. Как по мне, для заклинания второго ранга слишком маленькая вариативность использования. С другой стороны, для этого можно не видеть себе-

седника. Желательно, конечно, чтобы тот был неподалеку, но не более.

Правда, существовал еще один немаловажный принцип – важна некая эмоциональная привязка между создающим Шепот и получающим информацию. Короче, как по мне, слишком заморочено все. Зато по довольному взгляду Бабичева я понял, через кого Максutow будет с нами общаться. Ну да, какие-то отношения у дяди с племянником должны быть.

– Командир – Извольский, – напоследок сказал Игорь Вениаминович.

Не то чтобы это было не по существу. Леонид действительно старше меня, немного опытнее, того же звания, как и я, но все-таки внутри появился какой-то неприятный червячок. Та самая зависть.

А, может, Максutow нарочно не выделял меня, чтобы не привлекать внимания. Мое чуть прибитое к земле самолюбие мгновенно решило, что все дело именно в этом. Однако осадочек остался.

– Давайте, юнкера, – сказал Максutow нарочито громко, явно играя на публику. – За Царя и Отечество!

Надо же, он тут сравнительно недолго, а уже понял, как работают местные масс-медиа. Важно вовремя сделать что-то на камеру с самым естественными видом.

– За Царя и Отечество! – хором ответили мы.

С приходом в мир иносов магии из знаменитого русско-

го девиза со временем как-то само собой исчезло словосочетание: «За Веру». Но более забавно мне сейчас было другое. Что такой же застенец, как и все окружающие, собирался убивать иномирных тварей за какого-то не вызывающего симпатии мужика, и остаток города, большая часть жителей которого еще мнила себя целой Империей. Кому скажешь – засмеют. Проблема в том, что особо и говорить об этом некому.

Извольский повел нас за собой, растянув цепью. Под неусыпным взором следующих по пятам коптеров. Под внимательными взглядами миллионов (если не миллиардов) зрителей. Нет, когда-то я действительно надеялся, что ко мне будет приковано столь пристальное внимание. Правда, считал, что все это произойдет на футбольном поле. У Бога, если он есть, довольно забавное чувство юмора.

Когда мы почти достигли входа во двор, негромко заговорил Бабичев:

– Тридцать две твари, – сказал он. – Большая часть находится у дальней части дома.

Ага, значит, правильно я решил, Максутов будет общаться с нами через моего заклятого друга.

– Не много ли, братцы? – испуганно спросил Филимонов. Благодаря соревнованиям по выходным, я теперь знал почти всех хоть чем-то выделяющихся лицеистов. Этот пацан входил в команду «Запасной амулет».

– Нет, это создания низшего порядка. Убить их не соста-

вит труда, – ответил Извольский.

Я вспомнил ежей. Те тоже были созданиями низшего порядка. Разве что не ментальными. И убивать их оказалось относительно просто. Вот только и они нас вполне себе без особых проблем кушали. Что-то мне подсказывало, что в сегодняшнем плане Императора по показательному сокрушению тварей Разлома юными лицеистами смерть последних не была предусмотрена.

Мы прошли вдоль торца дома и оказались во дворе. И тут же большую часть отряда скрутило. Парни выворачивали обед на землю. Даже Извольский присоединился к компании. Удержались я, Бабичев, и, как ни странно, Филимонов. Но вместе с тем я понимал, от чего рвало пацанов. Зрелище нам открылось кошмарное.

Глава 3

Двор походил на поле боя, точнее уж, побоища. Разбросанные тела женщин, мужчин, детей, стариков, последнее желание которых было – выбраться отсюда побыстрее. И зависшие над ними Медузы, неспешно занимающиеся мерзкой трапезой.

Что именно они жрут – я так и не понял. Ментальные сущности – твари особые. Это не бешеные ежи, которые являются самыми прогрессивными мастерами по липосакции и смерть как хотят отщипнуть от тебя лишний кусочек. Судя по тому, что существа прилипали к головам жертв, переходя от одной к другой, питались Медузы чем-то не вполне материальным.

– Они живы, – негромко пробормотал Бабичев.

– Что? – не понял Извольский.

– Дя... Его Высокопревосходительство говорит, что все эти люди еще живы.

Я быстро создал Взор, взглянул им и поежился. Не уверен, что здесь уместно было слово «еще». Некоторые жители действительно словно оцепенели и выглядели вполне нормальными. Видимо, сработало то самое прикосновение. Другие... а другие были пустыми. У них билось сердце, бежала кровь по венам, кожа реагировала на внешние раздражители в виде дождя, однако они оказались будто выпотрошены. Ни

мыслей, ни надежд, ни страхов. Ничего.

Вот теперь меня по-настоящему пробрало. Не думал, что есть что-то страшнее смерти.

– Надо спасти тех, кого еще возможно, – сказал я.

Извольский кивнул, однако движение вышло смазанным, будто незаконченным. Потому что именно в этот момент Медузы оживились. Почувствовали приближение новой партии пищи, свеженькой, еще необработанной. И медленно поплыли к нам.

– Юнкеры, вперед, – дрожащим голосом произнес Леонид, видимо вспомнив, что именно его поставили командовать.

Впрочем, напрасно. Бабичев уже применил Громовой шаг, и ближайшую к нам сущность разорвало пополам. Не так-то уж они и круты, Максутов был прав.

Выглядела рядовая Медуза довольно неприятно, но вместе с тем не сказать чтобы внушала какой-то inferнальный ужас. Нечто похожее на полупрозрачное желе, без головы и ног, с множеством коротких, не больше метра, отростков, которое передвигалось с помощью левитации.

Мы сначала довольно сильно воодушевились. Все шло даже лучше, чем говорил Максутов. Казалось, Медузы убивались обо все, что в них летело. К примеру, я сжег нескольких самым простым заклинанием седьмого ранга – Искрой. Всего лишь влил в него чуть больше силы, чем требовалось изначально. И бесформенные твари запылали.

Рядом орудовал волшебной Плетью Бабочев, демонстрируя, что не только на Диком Западе есть хорошие ковбои. Извольский работал с Молнией. Она образовывалась на высоте пятого этажа и расходилась книзу, находя многочисленные цели. Сверкали рядом Взрывы, Громовые шаги, Файерболы (которые мы изучали под названием Огненный клубок – нейминг в Империи был так себе). В общем, все проходило в простом будничном формате.

Маги начали и выигрывали. По крайней мере, мне так подумалось. Медузы решили удивить нас, достав из рукава козырь в виде своей невидимости. И первое время исчезающие сгустки чего-то иномирного даже напрягали. Но и тут Максудов оказался прав. Урон проходил и в состоянии инвиза.

А потом мы стали понимать, что что-то явно идет не по плану. На месте уже убитых Медуз возникали новые. А может даже и все те же. По этому поводу я не мог выдать нечто конкретное. В общем, меньше ментальных тварей будто бы не становилось. Но между тем иномирные создания приближались.

– Отступаем, медленно! – крикнул Извольский.

Вот тебе и пришли, всех победили, ушли, блин. Мне даже подумалось, что Император на фекальные массы изойдет, если внезапно отряд лицеистов погибнет. Это же весь мир увидит. День, когда маги проиграли. Неужели Его Величество не предусмотрел подобное? Его потом можно будет голыми руками брать.

Видимо, о чем-то примерно похожем подумал и Максудов. Потому что именно сейчас Бабичев выдал.

– Его Высокопревосходительство скоро будет. Надо продержаться. Сказал, чтобы Эгиду не накидывали, не пройдет.

– Тогда Заслон, – не спросил, а уже создал форму я, понимая, что мерзкие Медузы отрезали путь к отступлению из двора. Когда только успели?

И тут меня ожидал неприятный сюрприз. Заслон сработал. Но лишь до тех пор, пока ближайшая Медуза не вошла в невидимость. Оказалось, что в таком состоянии она способна не только игнорировать собственную регистрацию в оптическом диапазоне моими органами чувств, но и не обращать внимания на наши защитные заклинания.

– Падаль тверская! – выругался Извольский.

Почему именно тверская, я спросить не успел. Наверное, в этом городе жила первая любовь Леонида, которая разбила ему сердце. Короче говоря, можно было поспорить с формой, но никак не с содержанием. Я бы добавил еще пару добрых слов, однако не хотелось смущать высокородных господ.

– Где там твой дядя? – повернулся я к Бабичеву.

– Заслон, – растерянно пробормотал он. – Кто-то выставил Заслон. Он не может пройти.

Что удивительно, всех присутствующих разделяли степень происхождения, образование, воспитание, финансовая состоятельность, но выражение офигевания на лице стало одинаковым. К этому жизнь нас не готовила.

Я пытался соображать быстро и по делу – Заслон мог поставить только маг. Заклинание пятого ранга, но если уж Максутов не может пробиться, то надо накинуть призывателю еще пару левелов, а может и больше. Хотя, если честно, не хотелось бы.

А между тем нужно было спастись от Медуз, которые находились в нескольких метрах. Эх, мне б сюда первый ранг. Фиганул бы Небесный огонь, и отшкрябывайте потом всех, кто попал под замес.

Но мозг работал на удивление плодотворно. Медузы – это ментальные существа низшего порядка. То есть самая грязь под ногтями. И я со своим вторым рангом всяко сильнее их. В общем, надо пробовать.

Форма Умиротворения была сложной, но именно сейчас я смог создать ее максимально быстро. Работало заклинание исключительно на недомов и на магов, находящихся намного ниже в иерархии, чем призыватель. Собственно, на это я и рассчитывал.

Визуально ничего не произошло. Не возникла волна, разошедшаяся вокруг. Просто Медузы вдруг замерли, словно кто-то ввел их в состояние анабиоза. Хотя почему кто-то? Я.

– Что это? – спросил Извольский.

– Лучше не спрашивай, – ответил я. – Давайте, рубите их в капусту, быстрее.

Простой и незамысловатый план, как навес на таранного

форварда с фланга, потерпел фиаско почти сразу же. Потому что на наших глазах убитая Медуза сверкнула упавшим сальфаром и поднялась с земли.

– Тут маг, – сказал я, чувствуя невероятное напряжение в мышцах рук. Постоянная поддержка, а не разовое использование, заклинания третьего ранга давалось с трудом.

– Что? – не понял Извольский.

– Тут где-то маг, – повторил я, отплевываясь от стекающего в рот дождя.

– Константин, попроси Его Высокопревосходительство использовать Взор.

– Можешь сам попросить, – нервно огрызнулся Бабичев. – Он же меня не слышит!

Извольский и не думал сдаваться. Набрал побольше воздуха в легкие и заорал так, что я вздрогнул. Его голос разнесся по всему двору, заглушая и шум стекающей воды и мигалки вдалеке и даже вертолетный гул.

– Взор!!... Взор!!...

Не знаю, как долго бы орал Извольский – пока сам не охрип, или мы бы не оглохли. Однако, как оказалось, самое простое действие часто является самым эффективным. Прошло всего несколько секунд, и Бабичев поднял руку по направлению к горе живых трупов.

– Там!

Я хотел было спросить: «Где там?». Однако жизнь расставила все по своим местам. Словно поняв, что игра в прятки

закончена, с утоптанного газона поднялся человек. Так, по крайней мере, я думал, потому что ранее он ничем не отличался от остальных, находящихся в беспомощности.

Короткая молния расчертила небо, осветив лицо незнакомца. И тут пришло еще одно неприятное понимание. Человеком или чем-то, отдаленно напоминающим гуманоида, это создание если и было, то невероятно давно. Это скорее являлось жуткой пародией на человека – перекошенный рот, полностью лишенный губ, худое бледное лицо, вытянутый череп и пустые глазницы, наполненные черной живой тьмой.

Казалось, что незнакомцу невероятно тяжело двигаться. По крайней мере, поднялся тот с огромным трудом. Но что мне не понравилось еще больше – он указал худым длинным пальцем с корявым ногтем, не выдавшим маникюрных ножниц пару веков, на меня, и будто бы что-то сказал. Или прокричал, я в иномирном не особо силен.

– Чего стоите? Бейте его, – еле ворочал языком я.

И тогда лицеисты оживились.

Я чувствовал, что это создание сильно. Не сказать что невероятно, тот же Романов был мощнее. Да что там, и Максудов бы справился с иномирным товарищем без особого напряжения. Но для группы лицеистов противник оказался достаточно серьезным.

С пяток Кистеней глухо разбились о магическую защиту незнакомца. А он даже бровью не повел, будто ожидал чего-то подобного. Извольский пальнул Ружьем, по всем при-

кидкам, весьма серьезным разрушительным заклинанием, а недочеловек лишь отшатнулся.

И тут в дело вмешался Бабичев. Я вспомнил, что он делал слабые попытки создать нечто четвертого ранга там, на моих соревнованиях. И вот теперь Костя решил попробовать снова. Да что там попробовать – вполне себе реализовать.

Вспышка мечей получилась довольно неплохой, далеко не любительской. Лязгающие клинки появились у самого носа незнакомца, точнее у выпуклости, которая этот нос замещала. И стали рубить невидимую защиту, лишь отдаленно напоминаящую Эгиду.

Судя по недовольству мага, получалось у Бабичев вполне себе неплохо. Заклинание пусть и ослабело после первых секунд, однако все еще действовало, качая силы из бледного Кости. А незнакомец решительно сделал шаг вперед, рискуя от такого резкого действия развалиться на части. И лишь вытянул руку.

Телекинез, простой и старый, как засохшее испражнение мамонта, подействовало безотказно. Бабичев захрипел, схватился за шею и стал дрыгать ногами, пытаясь достать до земли. Тщетно. С каждой секундой его поднимало все выше.

Обычно Телекинез было легко разрушить. Просто выставляешь магический щит (что балбес Бабичев забыл сделать), либо, если ты сильнее мага, вливаешь свою силу в его форму. Азы, о которых рассказывают на первых уроках.

Проблема в том, что незнакомец применял неизвестную

мне схему магии. Может, тоже мысленно чеканил мяч или делал финты, но действовало все безотказно. И вместе с тем я понимал – Косте почти удалось. Еще немного, и он бы пробил защиту этого гада.

На мгновение я будто переместился. Оказался вдалеке от происходящих здесь событий, на безжизненном галечном берегу с омывающим ноги черным беспросветным морем. Казалось, что-то с другого берега, пусть и невидимого в легкой дымке, зовет меня. Тихо, но настойчиво. Оно знает, что я тут. Оно меня ждет. Как равный равного.

А еще в голову стали заползать гадкие чужие мысли. Что вроде бы и очень неплохо, если Бабичева сейчас убьют. Это решит множество проблем. Его команда сразу осиротеет, и Извольский с компанией без особого труда их обыграют. Значит, на какое-то время Перчатка останется у меня.

Вообще, мне стало понятно, что я даже хочу смерти этого надоедливого лицеиста, для которого никогда не стану хорошим, чего бы ни сделал. Так бывает. Всем мил не будешь. И если сейчас этот недотепа умрет, то лично мне точно станет лучше.

Чернильное море накатывало мощными волнами, шелестело под ногами, шуршало галькой и шептало, шептало, шептало. В какой-то момент меня пробила внезапная мысль – все это неправда.

И тогда я вернулся. В залитый мелким дождем двор спального района Тольятти, полный то ли живых, то ли мерт-

вых людей. Окруженный застывшими Медузами, которых все еще сдерживало мое заклинание. Находящийся рядом с зависшим на высоте нескольких метров Бабичевым, уже пунцовым от нехватки воздуха. Неподалеку от пошатнувшегося под очередным залпом Ружья незнакомца, который на мгновение потерял концентрацию для ментального воздействия на меня.

Пальцы свободной руки вытянулись сами собой, наполняясь остатками силы. Я понимал, чтобы создать новое и вместе с тем сохранить старое – дара не хватит. Поэтому форма Умиротворения рассыпалась за мгновение до того, как на мага обрушился Огненный рой. То самое заклинание, подсмотренное у Романова на Ристалище.

И еще я осознал, что впервые за все время сотворил нечто, не используя привычных костылей в виде форм и каких-то уловок. Я создал заклинание в голове и тут же применил его на противника.

Сотня крошечных огненных живых угольков устремилась к незнакомцу так резво, что его безгубый рот даже не успел вытянуться в изумлении. Зато когда раскаленные частички заклинания впились в тело, я увидел, что созданиям из другого мира бывает больно. Я буквально кожей ощутил страдания мага.

Он умер быстро, за считанные секунды, сжигаемый одновременно снаружи и изнутри. Угольки словно живой рой прогрызли себе путь к жизненно важным органам. Послед-

нее, что успел сделать маг – поднять руку с длинным кривым ногтем и показать на меня. А затем глухо завалился на землю.

И тогда все завертелось вокруг с невероятной быстротой. Рухнул рядом Бабичев, вскрикнув при падении, двинулись на нас ожившие Медузы, завалился на спину попятившийся Филимонов, стал сыпать вокруг заклинаниями Извольский.

Я понимал, что мы не успеем ничего сделать, физически. Точечно разобраться с несколькими десятками Медуз в довольно ограниченный промежуток времени – занятие непростое. Для нас сейчас – невыполнимое.

И когда надежда почти иссякла, с неба стали падать сгустки лавы, поражая Медуз. По коже пробежали мурашки и отнюдь не из-за дождя. Я впервые в жизни видел Небесный огонь, действовавший на столь ограниченном пространстве. Да что там, именно КОНТРОЛИРУЕМЫЙ Небесный огонь, когда маг не просто извлек из себя чудовищную в собственном разрушении силу, а направил ее точно.

Я повернулся к выходу из двора и увидел там МаксUTOва. Надо же, как он быстро прибежал. Видимо, мы все-таки переоценили того незнакомца, поставившего Заслон слишком близко.

Игорь Вениаминович широким шагом прошел мимо нас, даже не взглянув на мокрых и обессиленных лицеистов. Его путь лежал к все еще дымящемуся трупу иномирного мага. Подойдя, МаксUTOв вскинул руку с заготовленным заклина-

нием, и оставшиеся от мага и без того жалкие останки запылали жутким белым пламенем. Огнем, в котором сгорали даже кости.

После Его Высокопревосходительство осторожно присел рядом с трупом, игнорируя мерзкий тошнотворный запах, и вытащил из праха внушительных размеров сульфур. Таких больших я никогда не видел. Судя по всему, Максутов собирался забрать его. Или изъять в пользу Короны. Как еще называются эти относительно честные методы экспроприации драгоценных минералов?

Но путь Игорю Вениаминовичу преградил я.

– Этой мой сульфур, Ваше Превосходительство. Я убил этого человека.

– Не человека, – отрезал Максутов. – И поверь, Николай, будет лучше, если сульфур останется у нас.

Кого имел в виду Игорь Вениаминович, используя загадочное местоимение «нас», я спрашивать не стал. Разве что сильнее сжал зубы.

– Этот сульфур мой! По закону!

Максутов молчал несколько секунд, но после все же положил его мне в руку.

– Ваше Превосходительство, кто это был? – подошел встревоженный Извольский.

– Неважно, – коротко ответил Игорь Вениаминович. – Юнкеры, соберите сульфур с Медуз и быстро в дирижабль. Мы возвращаемся.

На мгновение мне даже захотелось сказать Максutowу что-то дерзкое. К примеру, потому, что он прошел мимо помятого племянника и не поинтересовался его самочувствием.

Но делать я этого, конечно, не стал бы. Даже когда Максutow находился в хорошем расположении духа. Сейчас же Его Превосходительство был невероятно зол.

Глава 4

Из хороших новостей – на обратном пути нас все-таки покормили. Индюшатиной в каком-то пряном, но весьма вкусном соусе, вареной гречкой на гарнир, установленными на стол мясной тарелкой и соленьями. После принесли чай с самодельными пряниками. Как по мне, немного скромно для царской кухни, но мы ели так, что только за ушами хрустело. Оказалось, пережитый стресс очень хорошо заедается.

Разговаривать о произошедшем Максутов нам запретил. Вообще! Даже между собой. Оттого в воздухе висело колоссальное напряжение, которое лично я ощущал. Лицеисты смотрели с любопытством в окно, на Застенье, и делали вид, что ничего особенного не произошло.

Ну да, просто оказалось, что в ином мире тоже есть люди. Собственно, почему и нет? Разумные существа, вроде тех же домовых или кьярдов, встречаются. Частая ошибка, когда человек начинает ощущать себя венцом эволюции.

В общем, у меня возникло много вопросов. И нежелание Его Превосходительства говорить на эту тему еще больше подначивало их кому-нибудь задать.

Однако вскоре показалась Самара. С огромным частным сектором на окраинах, заводской зоной в Кировском и Промышленном районах, двумя пульсирующими артериями этого масштабного организма в виде Московского Шоссе и

Ново-Садовой, множеством крошечных точек на Волге – паромов и катеров.

Мы пролетели высоко над городом и только ближе к Железнодорожному району стали снижаться. Забавно, но посреди миллионника крохотный островок магов выглядел как декорации к историческому фильму. Словно все это было ненастоящим.

Уже когда мы зависли над верфью и устремились вниз, Максutow вновь обратился к нам:

– Господа юнкеры, надеюсь на вашу сознательность, но все же повторю еще раз. О случившемся никто не должен знать. Ни родные, ни близкие, ни друзья. Даже между собой вам запрещено разговаривать. Это необходимо, чтобы мы не приняли ответных мер. И кстати, каждому из вас полагается по три сульфара с Медуз в качестве поощрения. Налог за полученные сульфары на этот раз вам платить не придется.

Игорь Вениаминович говорил, а я смотрел на него и не узнавал этого властного и решительного человека. Нет, Максutow всегда был, как у нас принято говорить, альфа-самцом. Однако после недавних событий я подумал, что мы с ним на одной волне. Блин, да что же это за незнакомец такой, заставивший Его Превосходительство так собраться! Любопытство лишь все больше усиливалось. Я точно должен все узнать!

Снаружи нас ждали все те же кареты. Мы попрощались со второй пятеркой и сели внутрь, а Максutow говорил из-

возчику, куда нас нужно отвезти. Что интересно, я оказался первый в очереди.

– Как думаете, что это вообще было? – не выдержал молчания и заговорил Аввакумов минуты через три.

Бабичев открыл было рот, но я опередил Константина.

– Его Превосходительство наказал нам не обсуждать произошедшее, – ответил я. – Мне казалось, это довольно понятно.

И вся карета вновь погрузилась в молчание. Все это я сказал не потому, что искренне так думал. Скорее знал, что Бабичев в любом случае донесет дяде о малейшем проступке лицеистов. Так уж пусть лучше выставит меня в хорошем свете. Ну, или хотя бы не выставит в дурном. Что тоже неплохо.

Наконец карета подъехала к моему дому. Судя по слегка удивленному взгляду Извольского, мой особняк не произвел на него должного впечатления. Ну, извините, чем богаты.

– Всего хорошего, господа юнкеры, был рад сражаться с вами плечом к плечу.

– Взаимно, Николай, – откликнулся Извольский.

Все остальные тоже произнесли приятные слова. Что до Бабичева, тот буркнул нечто невразумительное и слегка склонил голову. Маленький шаг для настоящей дружбы, но огромный шаг для Константина.

– Коленька, ты пришел? – обрадовалась тетя. – Что за

письмо мне принесли? Я даже волноваться начала. Хотела сама ехать к этому вашему Зейферту. Так, кажется, там было подписано. Ты, кстати, солянку будешь?

После еще пяти-шести вопросов мне все же удалось нормально поговорить с тетей. Рассказывать о приключениях в соседнем городе я не стал, чего человека зря тревожить? По моей версии – нас гоняли на нечто вроде военных сборов. Надо сказать, что моя версия тетю вполне устроила.

– Илларион, собирайся, найди ломового ваньку с телегой. Сегодня будем твою племянницу перевозить.

– Я сейчас, господин, я уже, – засуетился слуга.

– Колюсик, а как же солянка? – расстроилась тетя. – Я там целую кастрюлю наварила.

– Пал Палыча накорми. Вон ходит – одна кожа да кости.

Соседушко, который со времени появления тети прибавил пару размеров, моего укола не понял. Он сидел за кухонным столом, блаженно улыбаясь. И всем своим видом давал понять, что с честью примет такой удар судьбы.

Илларион тем временем, за относительно короткий срок, оделся в парадную рубаху, нашел ваньку и уже стоял у дверей. Может же, когда хочет. Я только и успел лицо умыть.

Через несколько минут мы неторопливо ехали по мокрому после затяжного осеннего дождя, городу, вжимая голову в плечи. Все-таки зябко было, даже в шинели.

Илларион не мог найти себе места, все время болтал, а когда я задавал ему вопрос, он отвечал невпопад, за что тут же

извинялся. Мне, если честно, было немного тревожно. Непонятно, сколько придется преодолеть бюрократических проволочек, прежде, чем нам отдадут Ладу. И... сколько мы вынуждены будем потратить денег.

Городская больница для недомов, точнее «Николаевская больница для бедных», предстала примерно такой, какой я ее себе воображал. Старое здание в два этажа с двумя флигелями, суетившимися людьми снаружи и редким медперсоналом внутри. Еще в помещении жутко пахло капустой. Штукатурка на стенах грозила обвалиться, в коридорах лежали люди. Империя, говорите? Весь мир завоевать хотим? Интересно, что вы потом, господа маги, будете с этим миром делать?

Илларион метнулся было в палату, но я одернул его, сказав, что нам надо к главному врачу. Ну, или старшему, как здесь говорилось.

Что интересно, местная обитель ведущего эскулапа разительно контрастировала с остальной больницей. Начнем с того, что здесь была приемная с пухленькой и приятной во всех отношениях помощницей. Наверное, про таких женщин говорят, что ее есть за что поддержать. Помощница было поднялась, явно чтобы сказать о чрезмерной занятости начальника, но под моим гневным взглядом как-то сразу села обратно на стул.

Я рванул дверь на себя и оказался в царстве роскоши. Кабинет старшего врача Николаевской больницы для бедных

мог с легкостью конкурировать в убранстве с императорской гондолой, на которой сегодня нам довелось путешествовать. Разве что гербов Его Величества здесь не было.

На меня золото, скульптуры и огромные портреты (на нескольких из них изображался сам старший врач) не произвели особого впечатления. А вот Иллариона словно пыльным мешком пришибло. Он даже сгорбился, чтобы казаться меньше. Из-за его могучего телосложения попытка в зачет не вошла.

– Что вы себе позволяете? – начал старший врач уверенно, даже с некоторым негодованием, но под конец немного сдулся и последнее слово произнес уже обычным тоном.

Я посмотрел на обитателя кабинета. Толстенький, румяный, щеки так и трясутся, глазки крохотные. Словно поросенка заколдовали и заставили быть человеком. Затем я оглядел еще раз убранство помещения. Интересно, у него здесь отдельный вход, что ли? Или его не напрягает необходимость каждый день идти в свой кабинет через обшарпанный коридор?

– Позволяю! – я подошел к нему и облокотился на стол.

Взгляд старшего врача скользнул по погонам, почему-то задержался на кортике, и он неожиданно стал более миролюбивым.

– Что угодно, господа? Я, знаете ли, занят.

Мне хотелось много чего плохого сказать про его дела, но у нас была определенная цель. И ссориться с этим минипи-

гом просто так, рискуя тем самым подставить племянницу Иллариона, не хотелось.

– Нам нужно забрать из вашего, с позволения сказать, медицинского учреждения одну больную. Она находится в коме. И ваше лечение не приносит результата. Мы хотим перевести ее в военный госпиталь имени Его Императорского Величества. Со старшим врачом там уже все согласовано.

Я был готов услышать, что этот хряк сейчас начнет возбуждаться. И даже морально приготовился дать взятку, внутренне оправдывая себя, что это для благого дела. Однако старший врач повел себя совсем неожиданно. Он торопливо закивал и вытащил уже наполовину исписанный листок из пачки таких же. Видимо, заготовки.

– Фамилия, имя.

– Лада. Илларион, как ее фамилия?

– Ишишина, господин, – торопливо ответил слуга. И будто оправдываясь, добавил: – Отец из басурман был.

– Ишишина, – проговорил старший врач, считая закорючки. По моему скромному мнению, прописью этой фамилии можно было пытаться иностранцев на сдаче экзамена по русскому. – Кем приходитеесь?

– Родной дядя, вот он, – указал я на Иллариона. – Других родственников нет.

– Прекрасно, – почему-то и этот факт невероятно обрадовал хряка. – Будьте добры, подпишитесь здесь и здесь.

Илька поставил кривые закорючки, и старший врач тороп-

ливо забрал листки.

– Где лежит – знаете?

Я посмотрел на слугу, тот кивнул.

– Знаем.

– Тогда можете забирать. Наталья, Наталья! – позвал он секретаршу. Ну, или кем она там приходилась. – Пройди с господами, предупреди врача. Вот, – отдал он один из листов миловидной женщине. – На выписку.

И даже после всего этого старший врач не попросил денег. Чудесны дела твои, Господи.

– Благодарю, – кивнул я, уже немного остыв. Даже роскошь кабинета перестала сильно раздражать. Их Империя, их дело – пусть сами разбираются. – Всего хорошего.

– Ловко Вы это, господин, – восхищенно признался Илларион, когда мы вышли. – Я сам оробел. Вы того, сегодня какой-то грозный, прям, боязно на Вас смотреть.

– День просто суматошный.

– И как быстро провернули все. Я уж думал, что не позволит. Хороший человек, оказался, да? Вошел в положение.

– Замечательный, – саркастически хмыкнул я. – Вокруг посмотри, Илларион, кормят дерьмом, врачей не хватает, люди в коридорах лежат. Ему плевать на твою Ладу, а вот то, что лишняя койка освободится – это замечательно. Сюда, что ли?

Палата оказалась небольшая, при том – полностью забытая больными. Кровати, поставленные в два ряда, узкие про-

ходы между ними, затхлый воздух, запах мочи и несвежего белья. Нам повезло, здесь оказался и врач – анорексичный паренек с изможденным лицом чуть старше меня.

– Нам бы медбрата, до телеги ее донести, – сказал я помощнице. Она кивнула и умчалась с бумагами к доктору.

Правда, скоро тот подошел сам и развел руками. Свободных людей не было.

– Давай, Илларион, я за руки, ты за ноги.

Если честно, перетаскивание бессознательных девушек не входило в мои сегодняшние планы. С другой стороны, в них вообще много что не входило. Но всем известно, какие действия надо совершить, чтобы рассмешить Бога.

Как назло, Лада оказалась, что называется, кровь с молоком. То ли от природы она была с «широкой костью», то ли кормили ее здесь хорошо (в это я сам не особо верил), но нести ее было тяжело.

– Похудела-то как, осунулась, – причитал слуга.

Ага, это, получается, мне еще повезло. Очень бы не хотелось тащить Ладу в ее исходных данных.

– Сколько лет-то ей? – спросил я, когда мы наконец погрузили племянницу в телегу.

– Девятнадцать годков, господин, стукнуло, девочке. Самый сок для невесты, – ответил Илька.

Про сок это он точно. Про девочку – загнул. Лада выглядела, как настоящая русская баба из того стихотворения. Та самая, которая до обеда останавливает на скаку табун коней

и без конца входит в горящие избы. Простое широкое лицо, нос картошкой, чуть торчащие уши и густые волосы, убранные в косу. Черты не скажу чтобы некрасивые, скорее, грубоватые.

– Хороша девка, – отозвался ванька.

– Ты давай, в зад кобыле своей смотри, а не на девку. Еще порчу наведешь, ирод, – нахмурился Илька. – Ехай давай, куда тебе велено.

– Так никуда и не велено, потому стою. Вашблагородье, куда ехать?

– В Императорский военный госпиталь. Только аккуратнее, не дрова везешь.

Мы тронулись, я смотрел, как Илларион нежно укрывает племянницу заранее прихваченным из дома тулупом и удивлялся. В жизни бы не подумал, что он способен на такую нежность. Все-таки любовь, в том числе отеческая, делает нас совершенно другими людьми.

– Здесь ждите, я скоро, – сказал я, когда мы оказались на месте.

А сам направился к входу. Даже провел небольшой эксперимент – не стал использовать Шарм. Удивительно, но сторож мне и слова не сказал. То ли правда после боя в Тольятти во мне что-то изменилось, то ли я уже немного примелькался.

Утреннее оживление стихло, прошла пересменка. Чуть дальше по коридору женщина ругалась с каким-то пациен-

том из-за курения, которое строго запрещалось. В ответ ей густой бас сыпал неуверенными оправданиями.

Сильвестра Александровича пришлось искать. Он оказался на обходе, и его я выцепил уже на втором этаже. Моего взгляда хватило, чтобы старший врач все понял. Он кивнул, поговорил еще немного с больными, затем вышел, и мы направились в кабинет.

– Не ожидал Вас так скоро увидеть, Николай Федорович.

– Я сам не ожидал, если честно. Но на ловца, как известно, и зверь бежит.

Больше мы не проронили ни слова. Как оказалось, старший врач был человеком дела. Он внимательно осмотрел сульфур, выпавший из того... существа, коротко кивнул и протянул руку. Я ее немедленно пожал.

– Приятно иметь дело с серьезным человеком, – произнес он. – Можете привозить свою больную. Положим ее под восстанавливающий амулет, посмотрим пару дней, если не поможет, добавим пару заклинаний.

– Уже, – ответил я.

– Что уже?

– Уже привез. Лежит в телеге у входа в госпиталь.

Бровь Сильвестра Александровича медленно поползла вверх, но на полпути остановилась.

– Что ж, так даже лучше. Посмотрю ее сам, пока здесь. Пойдемте.

По пути старший врач выхватил из палат пару крепких

медбратьев, у самого выхода мы вооружились носилками, и такой процессией выбрались из здания.

– Тулуп убери, – повелительно махнул старший врач Иллариону, подходя к телеге.

А сам уже вытягивал длинные худые пальцы над лежащей пластом девушкой. Какое-то мгновение брови его хмурились, лоб то расправлялся, то вновь морщился, то и дело по лицу пробегало беспокойство. Вскоре старший врач госпиталя и вовсе закрыл глаза, словно окружающая действительность довольно сильно его отвлекала. И постояв так около минуты, вынес свой вердикт.

– Случай непростой, если бы ее сразу к нам привезли...

Он даже укоризненно посмотрел на Иллариона. Будто тот все это время прохлаждался и вспомнил про племянницу только теперь.

– А если по существу, Сильвестр Александрович? – спросил я.

– Поставим мы ее на ноги. Жизнь в ней теплится, более того, сама она жить хочет, остальное за нами. Заносите, – махнул он стоящим медбратьям. А те, точно предвосхищая слова начальника, уже положили носилки на телегу и перекладывали в них Ладу.

– Спасибо большое, – протянул я руку старшему врачу.

– Погодите, Николай Федорович. А оформить? У нас все серьезно.

Я усмехнулся, интересно, конечно. Два заведения из од-

ной сферы, а как все разительно отличается.

– Он родственник, пусть сам и оформляет, грамоте обучен, – указал я на Иллариона. – И, Сильвестр Александрович, ему бы пропуск сделать, чтобы мог навещать.

– Конечно, раз родственник, – пожал плечами тот, будто я сморозил чушь. – В обозначенные часы посещения. А то, знаете ли, у нас тут повадились врывать в любое время, когда им вздумается.

– Какой кошмар, – укоризненно покачал головой я. – Разве так можно? Надо охрану выставить. Могу поспособствовать. Еще раз спасибо, Сильвестр Александрович. Илларион, оформи все, и поезжай домой.

– Вы куда ж, господин? – спросил слуга.

– Есть тут одно место.

Конечно, я хотел вернуться не к тетиной солянке. К слову, не факт, что от нее уже что-то осталось, благодаря стараниям Пал Палыча. Все-таки больше часа прошло. Мне нужны были ответы. И только один человек мог их дать.

Глава 5

Знакомый синий домик среди могучих каменных зданий выглядел еще более сиротливо, чем обычно. Казалось, он не понимает, что его время давно прошло, и находится здесь скорее вопреки здравому смыслу.

И почему-то именно сейчас мне было невероятно тревожно стучать в эту разохшуюся обшарпанную дверь. Почему? Да Бог его знает. Будочника я точно больше не боялся. Знал, что он на моей стороне. Да и время, когда экстравагантный маг мог что-нибудь отчебучить, прошло. Как и его магические способности. Тогда в чем дело? Может, мне страшно услышать правду?

Я постучал и вздрогнул от громкого звука. Словно сам не ожидал подобного. Подождал отведенное для данного действия время и постучал снова. Куда мог подеваться Будочник? И только спустя минуту или около того я услышал шаркающие шаги.

Дверь не распахнулась внезапно, как обычно, а открылась невероятно медленно, неохотно впуская фонарный свет внутрь. Будочник выглядел... нет, не плохо, просто старо. Как древняя антикварная вещица, все еще работающая, но с которой необходимо обращаться невероятно аккуратно.

– Мне нужно поговорить, – сказал я вместо приветствия.

– Разговоры – это все, что я могу теперь дать, лицеист, –

улыбнулся Будочник.

Я вошел и неожиданно понял, что привычного смрада здесь нет. Только резкий запах крепких папирос – неизменный спутник моего названного учителя. И еще... в синем до-мике было убрано. Вот уж что действительно необычно. И оказалось, внезапно, что тут довольно много места.

Разнообразный хлам был выброшен, полы вымыты, стекла протерты, плотные шторы закреплены подхватами из те-семок. Чудеса. Неужели это все сделал учитель?

Будочник провел меня в ту самую гостиную, которая те-перь казалась даже до неуютности пуста, и тяжело рухнул в кресло. Я присел на свободный стул.

– Тебя ограбила организация, которая специализируется на воровстве рухляди? – пошутил я.

– Будочник раздал то, что имело хоть какую-то цен-ность, – ответил учитель. – Оставил только хлам. То, что по-сле смерти не пригодится.

– Скорее наоборот, – усмехнулся я. – А какой смерти?

– Посмотри на меня, лицеист, и задай этот вопрос еще раз. Только честно.

Он медленно, по-стариковски вытащил папиросы и спич-ки. Но прикурить смог лишь с четвертой попытки. Длинные узловатые пальцы Будочника дрожали.

– Неужели ничего нельзя изменить? – спросил я уже се-рьезно.

– Главный вопрос – зачем, лицеист? Я сделал многое за

свои годы. Иным не хватает всей жизни и на половину этого. Не скажу, что все было правильным, но оно было. Теперь уж ничего не исправишь. Самое главное я сделал – нашел тебя. Ты и есть мое наследие.

– Мне кажется, ты переоцениваешь меня. Я всего лишь...

– Без пяти минут маг первого уровня.

– Максутов говорит, если быстро развиваться, то...

– То можно сгореть без остатка, – закончил Будочник и рассмеялся. – Испуганный мальчик Максутов, мог бы давно стать эфери, но упорно цепляется за свою жизнь.

– Эфери? – переспросил я, но учитель словно не услышал моего вопроса.

– Любой человек сгорит, если будет брать на себя больше, чем может вынести. И работает это не только с магией. Важно лишь понять, действительно ли для тебя это много, или нет. Ну да ладно, так с чем ты пришел, лицеист?

– Сегодня произошло странное. Очень странное. Не знаю, с чего бы начать.

– Начни с самого начала.

Я кивнул и стал рассказывать о неожиданном путешествии в соседний город и встрече с существом, похожим на человека. Будочник смотрел поверх меня. Если бы он периодически не попыхивал папиросой, я бы подумал, что учитель и вовсе меня не слушает.

Правда, когда закончил и замолчал, какое-то время и хозяин дома не спешил начать говорить. Пришлось вновь брать

инициативу в свои руки.

– Что это был за человек? – спросил я.

– Это не человек, лицеист, – ответил Будочник. – Когда-то был им. Но очень давно.

– Тогда кто?

– Они называют себя тошкены. Мы зовем их Падшими.

– Кто они?

Каждое новое объяснение рождало лишь дополнительные вопросы.

Будочник неторопливо прикурил другую папиросу, глубоко затянулся и посмотрел на меня.

– Я знал, что рано или поздно придется тебе рассказать, лицеист. Два варианта, два варианта, – учитель сделал из пальцев «козу», – либо тебе станет душно здесь и ты уйдешь, либо захочешь всех спасти. И оба имеют право на существование.

Если честно, я ничего не понимал. Куда уйти, спрашивается, если я только что пришел? Ну, в смысле, оказался здесь совсем недавно. И кого спасать, если наоборот, вроде, все устаканилось. Но когда Будочника несло, его нельзя было останавливать. В таком случае удавалось выяснить много нужной информации.

– Сравни наши миры, чем они отличаются? – спросил Будочник. В сизом дыме его хитрое лицо выглядело, как призванная голова какого-то демона.

– У вас есть магия, у нас ее нет, – пожал я плечами.

– Но разве так было всегда? – снова спросил учитель.

– Нет, до тысяча восемьсот девяносто пятого года. Сам же знаешь.

– А теперь представь мир, в который магия пришла еще раньше. Значительно раньше. Скажем, на тысячу лет.

– Ну, допустим, представил.

– Это и есть родина тошкенов и эфери. Обычный мир, населенный людьми, которые с приходом магии стали меняться. Пришлось меняться и всем разумным существам.

– В чем их различия между собой? Хотя бы в двух словах.

– В чем различия между дождем и стеной, лицеист? – усмехнулся Будочник. – Хотя бы в двух словах.

Он помолчал, явно испытывая на прочность мою нервную систему, после чего стал неторопливо рассказывать.

– Все они колдуны. Но всех их различает степень восприятия магии. Многие волшебники, постигшие высшие секреты таинств волшбы, пришли к выводу, что магия есть не что иное, как средство познания себя. Они отринули суетность своего мира, не захотели бороться за власть, деньги, могущество. А после назвали себя эфери. Мы несколько раз наткнулись на них в том, чужом, мире. Но наши встречи ни к чему не привели. Им безразличны людские страдания.

– В чужом мире? Каким образом вы туда перемещались?

Один теоретический способ с помощью замечательной Перчатки я знал. Хотелось бы услышать остальные варианты.

Будочник посмотрел на меня пристально. Возможно, даже пристальнее, чем следовало бы.

– Тебе не идет быть глупым, лицеист. Не делай так больше.

Я терпеливо промолчал, и учитель, видимо, воспринял это, как покаяние.

– Если есть вход, значит, существует и выход. Наши ученые поняли это сразу. Раз твари способны попадать к нам, мы можем оказаться в том мире. Разломы изучали. Серьезно, внимательно, тщательно. И в конечном итоге некоторым стало удаваться создание артефактов для разовых перемещений. Правда, всем им не хватало стабильности. В артефакте должна быть заключена исключительная сила.

Угу, примерно как восполняемый дар, которым, допустим, можно накачивать Перчатку.

– И наши пионеры по изучению того мира столкнулись с разумными существами. По-настоящему разумными. И если для эфери мы оказались неинтересны, то с тошкенами все вышло наоборот.

Папироса зашипела, коснувшись кожи Будочника. Правда, тот даже не вздрогнул. Внимательно посмотрел на окурок и отряхнул пальцы.

– В каждом человеке есть и свет, и тьма, лицеист. Так мы устроены. Тьму кормить легче, поэтому в мире столько несчастий, войн, обмана. Но когда Тьма захватывает каждый уголок твоей души, когда в тебе не остается ничего челове-

ческого, магия деформирует тебя и ты становишься тошкеном. Время и магия сделали из них уродливых существ. Мы перестали называть их людьми, но встреченное тобой нечто когда-то давно было человеком.

Будочник замолчал, явно довольный произведенным эффектом. Он смотрел на меня с легкой издевкой, взглядом уставшего от жизни старика.

– Чего хотят тошкены?

– Чего хочет каждый человек, сильный физически настолько, насколько беден духовно? Власти, лицеист. Они хотят власти. Тошкены повелевают тварями, ибо поняли саму суть магии и теперь используют ее для своих черных дел.

– И какая же суть магии, Будочник? – спросил я.

Спросил и испугался. Что если сейчас учитель вновь скажет, что глухим обедню два раза не служат, а тупицам концовки анекдотов не объясняют. Однако Будочник пожевал нижнюю губу, неторопливо достал папиросу, но так и не закурил. Прикрыл глаза, понюхал табак и стал говорить:

– Магия – это паразит. Зараза, которая хочет проникнуть во все миры и коснуться всего, до чего сможет дотянуться. Что станет с существами, которых она преобразовала, магии неинтересно. Она пойдет дальше. Я даже не знаю, скольких миров уже коснулась магия. Но мне кажется, что очень многих. Какие-то выдержали испытание, в каких-то вместе со сквозными проемами, через которые она утекала, стали образовываться Разломы. Но по мне, магия – это самая страш-

ная болезнь, лечения от которой нет.

Слушать подобное было жутковато. Раньше я не верил во множество миров. Пока один из них не постучался в дверь.

– Знаешь, что еще хуже, лицеист? – не дал мне погрузиться в собственные мысли Будочник. – Мы сами указали тварям лужайку, полную всяких вкусностей. Оставили жирный след, уйдя из того мира. По нему они пробираются сюда. И если появился первый разведчик из Проклятых, значит, скоро здесь окажутся и все остальные.

– Хорошо, – кивнул я.

– Хорошо?! – мое заключение очень сильно удивило Будочника. Так, что он даже попытался вскочить на ноги. Тело подвело, и учитель рухнул обратно в кресло.

– Только общий враг может объединить застенцев и иносов. То есть, магов. В противном случае будет война заклинаний против ядерных ракет.

– Каких ракет? – нахмурился Будочник.

– Здоровенных таких, выжигающих после себя все. А то, что война была бы – в этом можно не сомневаться. Договариваться – это то, что в последнее время у нас получается хуже всего. К тому же недавно Император лишился нескольких единиц. Потеря невосполнимая. Думаю, появление третьей стороны как нельзя кстати. Теперь нужно лишь донести до застенцев осознание опасности, которая им угрожает.

– Не волнуйся, – криво улыбнулся Будочник. Было видно, что ему данная «шутка» не доставляет никакой радости. –

За этим дело не станется. Застенцы очень скоро поймут, что имеют дело не просто с иномирными безмозглыми тварями.

– Что ж, тогда подождем, – решительно поднялся я.

– Лицеист, погоди, – заторопился Будочник и, опираясь на трость, поднялся, словно боялся, что уйду прежде, чем он сможет мне что-то сказать. – Что ты сделал с сульфаром тошкена?

Мне этот вопрос не понравился. Словно Будочник заглянул в мою душу и выдернул оттуда самое неприятное, что только мог. Когда он начал рассказывать о Падших, мне сразу вспомнились слова Максутова.

Можно было соврать, вот только зачем? Лгать людям, которые хотят тебе добра – глупо. Поэтому я сказал правду.

– Его нужно забрать. А еще лучше – разрушить, но не здесь. Сульфар убитого тобой тошкена – своего рода маяк, на который будут идти все остальные. Это не прекратит вторжения, но на какое-то время его отсрочит. Это понятно?

– Предельно, – тяжело вздохнул я.

У меня в последнее время вошло в привычку героически создавать трудности, а после – не менее героически их преодолевать. Сам накосячил, сам разгроб. Удивительно самодостаточный маг.

– Но это еще не все, – сказал Будочник, будто ситуация с сульфаром была глупым пустяком. – Учти мою ошибку. Не оставайся один. Не отворачивайся от близких. Тебе уготованы серьезные испытания. И если... если ты не справишься

с Тьмой внутри тебя, лицеист, у этого мира не останется никаких шансов.

Сказано это было немного пафосно, даже чересчур. Тоже мне, нашли спасителя мира.

– Ты стал Вестником? – попытался я перевести все в шутку.

– Для этого не нужно быть Вестником. Даже магом. Надо просто смотреть по сторонам и видеть, что происходит. Твои способности растут быстро. Может, Максутов даже прав, чересчур быстро, но я уверен, что ты выдержишь.

– Будочник, мне не нравится твой тон. Ты будто прощаешься.

Учитель ничего не ответил на мое высказывание. Лишь долго смотрел сквозь меня. Потом вдруг словно очнулся, мотнул головой и сказал.

– Уходи, лицеист. Тебе пора.

Я кивнул, но в голове созрел коварный план. Может, Будочник слишком гордый, не хочет просить, но мне не составит труда дать частичку силы и без всякого спроса.

Мы дошли до выхода, и тогда я повернулся и протянул руку. А чтобы было еще более естественно, даже добавил пару слов:

– Спасибо за все, учитель.

Будочник легко попался на удочку. Он быстро заморгал глазами, затем кивнул и протянул руку в ответ. И когда наши ладони коснулись, а пальцы сцепились, я выплеснул из себя

дар.

Самое глупое, что может быть – включать гордость, когда оно того не стоит. Неужели так трудно попросить немного подзарядить себя? С меня убудет, что ли? Нет, надо играть в умирающего старика, который неожиданно понял, что магия – зло. По мне – магия была именно тем, что в нее вкладывали.

Я передавал силы, и на моих глазах морщины учителя разглаживались, сам он выпрямлялся, брыли втягивались. Он вновь становился тем самым Будочником, который меня поначалу раздражал. И не могу сказать, что мне это не нравилось.

Когда показалось, что уже достаточно, я расцепил рукопожатие, довольно глядя на творение рук своих. Нет, в общем-то Будочника сотворил не я, а какой-то мужчина с женщиной, давным-давно. И не совсем руками. Но вернул ему молодость, без всяких регистраций и смс, именно я.

– Ты очень наивный, лицеист, – сказал учитель уже позабытым мною голосом, но как-то чрезвычайно грустно. – Добро надо делать, только если тебя просят.

Я хотел было ему возразить, но в этот момент почувствовал какую-то странность. То, чего быть не могло. Мой дар стал словно разливаться вокруг. Я взглянул на Будочника с помощью магии и содрогнулся. Он напоминал решето, которое для надежности еще и продырявили ножом. Дар вытекал из многочисленных щелей стремительно, без всякой надеж-

ды задержаться внутри. И Будочник вновь старел на глазах.

– Со мной все решено, – продолжил он. – Главное – запомни, что я тебе сказал. Это очень важно.

В мгновение ока учитель стал еще более дряхлым, чем был. Казалось, моя хитрая уловка вытянула из него последние ресурсы. Глядишь, еще чуть-чуть и он развалится на части.

– Тебе надо идти, лицеист, – сказал Будочник. – Да и мне уже пора.

Я хотел ответить что-то. Оправдаться или просто объяснить. Однако учитель с несвойственной для такого старого тела силой буквально вытолкнул меня за дверь. А после захлопнул ее.

На душе стало гадко и пусто. Даже все эти тошкены, эфери и угроза нашему миру отошли на второй план. Я внезапно осознал, что это, скорее всего, была наша последняя встреча с Будочником. Чтобы жить – ему нужно находиться там, где магия постоянно бьет ключом. Где ее настоящий источник.

Домой не хотелось. К тому же в душе поднялось что-то невероятно гадкое, беспокойное. Здесь было лишь одно существо, которое могло меня понять.

Миша Хромой оказался на месте, но он разговаривал с какими-то мужиками. Мне он лишь кивнул головой. И в нынешней ситуации так было даже лучше.

Кьярд ждал. Причем, очень долго. Я ощутил его тревогу, беспокойство и обиду. А еще мой иномирный конь втянул

носом воздух, испуганно заржал и попятился, пока не уперся в стену.

– Пахнешь с-с-с-смертью, – прошипел он.

– Да, встретил тут одного товарища из твоего мира.

Я уселся прямо на устланный соломой пол и облокотился о балку. Кьярд, преодолевая страх, медленно подошел ко мне. Громко фыркнул, но все-таки положил голову на плечо.

– Мы с-с-справимся...

– Надеюсь, – ответил я и обнял могучую шею.

Глава 6

Как бывает обычно, после бурного этапа жизни наступили суровые и даже скучные будни. Будто кто-то наверху решил, что на мою долю уж очень много выпало испытаний и теперь надо отдохнуть.

К тому же зарядили дожди, поэтому футбол пришлось поставить на паузу. Был бы манеж или зал – другое дело. Вот только где их взять? Из основных занятий у меня остался лишь лицей, в котором мы задерживались даже после уроков. Лично мне было скучно дома, а друзья оставались за компанию.

Что мы делали? Искали новые, диковинные заклинания. Иногда такие, о которых вроде все и забыли. Простые даже пытались воссоздать. Горчаков осваивал нечто, что в моем мире назвали бы практикой медитации. Он уходил в себя, настраивался, а потом мог превратить комнату в какой-нибудь уголок своего мира. Само собой, все это было не по-настоящему. Пока на такое силенок у Ильи не хватало.

Дмитриева по какой-то причине застряла между пятым и шестым рангом. Хотя, по ее словам, дома большая часть заклинаний получалась. Однако стоило начать показывать их мне, как даже не очень сложные формы выходили коряво.

Что до Протопопова, то он пропадал целыми днями в нашей кузне. Хотя тут я не удивлялся. Где еще быть артефак-

тору с ответственным поручением?

Я же поставил себя на паузу. Ничего не делал, хотя думал столько, что на две головы хватит. К примеру, о том самом сульфаре, который отдал старшему врачу. Забрать его, по вполне понятным причинам, я не мог. По крайней мере, пока не придет в себя племянница Иллариона. А потом... Не то чтобы меня мучили моральные терзания. Скорее, я думал о том, как бы это все повернуть наиболее тихо.

Но между тем дни неумолимо летели, и вскоре настала суббота. Та самая, которая предвещала деньги и возможность наконец-то разобраться с Рукой Всевластия.

Я смотрел на высокие деревянные помосты, возведенные исключительно благодаря фантазии и трудолюбию Горчакова, и немного волновался. Если приглядеться, то становилось понятно, что это не простые леса, выросшие на несколько уровней, а целый город с основными улицами, которые вели к постаменту с Рукой Всевластия.

Входов в «город» существовало восемь, и они были отделены друг от друга. На каждый вход отводилось по четыре команды. Из которых только одна могла войти внутрь. И то не полностью. Право представить магическую группу отдавалось всего лишь одному человеку. Сомнений, что в «город» будут входить капитаны команд, у меня не было.

– Здоровенная фиговина, – усмехнулся Протопопов, который по моей просьбе пришел сюда раньше остальных.

– Тридцать человек строили почти неделю, – ответил я. –

Надо сказать, что мои соревнования становятся с каждым разом все дороже.

– Зрителей необходимо удивлять, – согласилась Лиза.

Угу, только что будет через полгода? Разломы на разогреве и бои против Падших в финале? Это надо еще смотреть райдер тех же тошкенов. А то вдруг не потяну.

– А чем тут удивлять? – не понял Протопопов. – Ладно, бои четырех команд «все против всех» это интересно. Что потом? Смотреть, кто более ловкий и быстрее прочих заберется наверх?

– На каждом уровне деревянного города...

– Посада, – поправил меня Горчаков. – Я же говорил, что назвал проект «Посад».

– Хорошо, – согласился я.

Что касалось собственных творений, Илья становился удивительно неуступчивым и занудным. С таким не поспоришь. Легче согласиться на все условия.

– Итак, на каждом уровне приготовлены ловушки. В принципе, их можно разглядеть, если двигаться аккуратно.

– Но ведь задача быстрее остальных добраться до вершины, так? – ехидно спросил Макар.

– Именно, – улыбнулся я. – Можно забить на все и бежать что есть сил. Но тогда сработают ловушки. Само собой, они не смертельные...

– Потому что нам никто бы не разрешил, – с явным сожалением заметил Горчаков.

– Но гематомы и ушибы обеспечены. Именно поэтому сегодня у нас несколько сестер милосердия.

В подтверждение своих слов я указал на Варвару Кузьминичну, рядом с которой стояли пять медсестер. Ясно-понятно, не столь молодых и прекрасных собой. К тому же, более корыстных, чем известная мне лекарь. На встречное предложение они согласились не задумываясь. Только деньги переводить на нужды госпиталя не собирались.

– Построить Посад, – загнул палец Макар, – найти людей для создания и подпитки ловушек, нанять половину госпиталя. Это у тебя сколько денег-то ушло?

– Много, – с кислой мордой Ди Каприо из знаменитого мема, ответил я.

Если быть точнее – почти все. Как раз построить Посад вышло дешевле всего. По сути, это просто леса, хорошо соединенные между собой. К тому же удалось очень неплохо сторговаться с работниками, которым я разрешил после соревнований разобрать всю эту конструкцию и забрать на собственные нужды. Для города, где до сих пор топили дровами и углем, не так уж и мало.

Сложнее дело обстояло с магами. Вон теми, которые сейчас заняли первые места на центральной крыше и уже создавали ловушки по заранее согласованному сценарию. Не скажу, что невероятно трудоемкая работа, но как выяснилось, волшебников средней руки, согласных за небольшие деньги поработать в выходной, оказалось не так много. Еще одна

сложность – нужно было найти магов, не имевших отношения (прямого или косвенного) к какой-либо команде.

Из плюсов – этим занималась Дмитриева. Из минусов – пришлось изрядно раскошелиться, чтобы найти желающих.

Ну, и заключительная часть нашего балета – те самые медсестры. Тут сумма вышла не сказать чтобы внушительная, но копеечку туда, копеечку сюда, вот тебе и нет заработанной в прошлые выходные тысячи. Шутка ли, в нашем бюджете, который я теперь вел самостоятельно, осталось всего семьдесят два рубля.

С другой стороны, и выручка сегодня ожидалась больше, чем обычно. Деревянный город, точнее Посад, виден был даже с земли. И я решил на свободных участках наспех сколотить трибуны. Небольшие, в три-четыре ряда высотой. А то еще обвалятся, чего доброго. Но и это уже существенная прибавка к доходу.

– А народу-то, народу, – качал головой Макар.

С этим я был согласен. Казалось, сюда набилась половина города. Я должен благодарить Его Величество, который по-прежнему не собирался открывать границы. В условиях режима «осажденной врагами крепости» развлечений у петербуржцев было не так уж и много. Точнее – их не было вовсе.

– Лиза, давай.

– Приветствую вас, дорогие зрители и претенденты на победу, в еженедельном Турнире Чемпионов.

Начала Дмитриева громко, чтобы перекричать толпу, но

постепенно стала говорить тише. И сработало. Смешки прекратились, утихли разговоры, все жадно ловили каждое слово моего личного конференсье. И да, я придумал наконец название. Не особо запаривался, просто вспомнил, какое клубное состязание в футболе считается самым крутым, и немного переиначил. Вышло чуток пафосно, но расчет оказался верным, аристократы чуть ли не пищали от восторга.

– Сегодня вас ждет увлекательное состязание. Битва между участниками за право войти в Посад.

Горчаков при этих словах удовлетворенно кивнул. Угу, кажется мне, что скажи Дмитриева: «Деревянный город», он бы ее прямо здесь четвертовал.

– А после один из участников команды должен будет первым добраться до вершины. Но на пути их...

Лиза продолжала объяснять нюансы, а я нашел глазами Бабичева. Костя хрустел шейными позвонками и довольно улыбался. Понимаю. Сегодняшнее состязание будто подарок судьбы для него. Начнем с того, что «Сыны Отечества» в своей группе четырех были самыми сильными. И закончим тем, что у Бабичева наиболее высокий ранг среди участвующих. Да и физически он развит неплохо. Как раз для подобной полосы препятствий. Все выглядело так, будто я сошел с ума и намеренно решил отдать приз сразу Константину.

Лиза замолчала, рассказав все и даже больше, затем повернулась ко мне. Я кивнул и сильно дунул в свисток. И началось.

Никогда прежде наши состязания не начинались с такого рубилова. Мы специально оставляли самое мясо на десерт, как бы забавно это ни звучало. Чтобы зрители сначала закусили, а потом уже наелись до отвала. Но теперь...

Смешались участники, всполохи заклинаний, крики, падающие без чувств маги. Раньше я не видел подобной прыти в создании форм. Некоторые выбывали целыми командами, другие пытались рассредоточиться...

Однако все мое внимание оказалось приковано к Бабичеву. Команда Константина действовала по заранее заготовленному сценарию.

Говорят, лучшая защита – это нападение. Племянник МаксUTOва имел свое мнение на этот счет. Как только прозвучал свисток, «Сыны Отечества» накрылись всеми известными заклинаниями защиты, которые проходили в лице. И надо отметить, не зря.

Слава бежала впереди Бабичева. И в этом были не только плюсы. То ли остальные команды сговорились, то ли поняли и без этого, кто представляет самую большую опасность, однако девять человек обрушили на «Сынов Отечества» весь свой арсенал, на который были способны.

Несколько раз Кистени взорвались прямо под ногами Зубарева, заставив того потерять равновесие и чуть не разрушить форму. Однако обошлось. «Сыны Отечества» выстояли. А потом и вовсе произошел несчастный случай.

То ли по недоразумению, то ли из-за природной косору-

кости, один из нападающих легонько задел другого, из чужой команды. И тут же получил свою порцию Паралича. А через пару секунд все как-то забыли об изначальном плане и «Сынах Отечества». Чем Бабичев с компанией и воспользовались. Они попросту улучили момент и быстро разбросали всех, кто еще стоял на ногах. И довольно глядели на «смотрителя» из простолюдинов, который поднял флаг. Здесь победитель был определен.

Как уже реял флаг над другими входами. Я разглядел «Людей чести», «Злобных драконов» и «Имперских рекрутов». Хотя я смотрел на сражения остальных команд и понимал, что это не более чем формальность.

Зрители кричали, смеялись, даже подсказывали. Совсем как на футболе. Вот тоже никогда этого не понимал. Неужели они думают, что среди гомона нескольких сотен человек, когда ты невероятно сосредоточен, можно хоть что-нибудь разобрать? Но мне было приятно, что никто не остается равнодушным. Нет ничего хуже, чем понять, что результаты твоей работы не вызывают в душе зрителей никаких эмоций.

– Коля, все, – толкнула меня Лиза, выводя из размышления.

– Давай тогда дальше.

– У нас есть победители. Команды «Злобные драконы»... «Люди чести»...

Что интересно, после объявления каждой приходилось делать небольшую паузу из-за аплодисментов зрителей. Понят-

но, что за любую команду болели родные и близкие. Но со временем все пошло дальше. К примеру, у ребят Извольского образовался свой фан-клуб с каким-то подобием флага. Зрители «Веселых великанов», по большей части простолюдины, радовали забавными речевками. К примеру, чего стоили: «Великаны рвутся в бой – лучше скажи, что ты большой» или «Великан уже в пути – свое пузо покрести». К слову, на успехах команды это никак не отражалось. Как правило, «Великаны» вылетали всегда в начале. Зато никогда не переставали быть веселыми, чем оправдывали название и увеличивали фан-базу.

А вот «Сыны Отечества» большой любовью похвастаться не могли. За них болели, как правило, те, кто был либо первый раз, либо всегда топил за победителя. У нас же тоже есть поколения, выросшие на «Манчестер Юнайтед» или «Барселоне».

– ...теперь по свистку каждый из членов представленных команд, – тем временем продолжала вещать Дмитриева, – сможет войти в... Посад.

Это она молодец, быстро исправилась. Потому что Горчаков уже был готов метать молнии из глаз. Ну ладно, перейдем к финальной части нашего представления.

Свисток прозвучал вновь, и претенденты бросились внутрь. Так быстро, как только могли. Правда, прошло не более пяти секунд, и Посад задрожал, а на первом ярусе раздался хлопок. Тьфу ты, в смысле – взрыв, никак не привык-

ну к здешнему языку.

Благо, ничего страшного. Капитана «Драконов» слегка оглушило, но он даже на ногах остался. Зато все претенденты мгновенно снизили скорость продвижения. Кроме Бабичева. Тот продолжал стремительно двигаться, не разбирая дороги.

Громкий лязг железа и короткая вспышка – защита Константина справилась. Я даже отсюда почувствовал, как в нее пришлось максимально быстро вливать дополнительную силу. Долго ли ты протянешь в таком режиме?

Кувалда – простое защитное заклинание, заставило Бабичева покачнуться и немного снизить темп, но лишь ненадолго. Через мгновение он карабкался по лестнице, ведущей на второй ярус.

Зрители буйствовали и призывали своих любимчиков поднажать. Что не всегда играло в плюс. Так, ускорившийся Извольский наскочил на кольцо холода, пробившее Эгиду. Хорошо, прошло по касательной, задело лишь руку. Но теперь легкое обморожение ему обеспечено. Конечно, позднее сестры милосердия им займутся, но это будет потом. Сейчас наш недавний командир лишь выругался и ускорился, схватившись за лестницу.

Чуть позже на втором ярусе оказался и капитан «Имперских рекрутов». Но на него ставить было бы глупо. Бабичев, уже изрядно наевшийся, приближался к следующей лестнице, а Извольский мастерски обошел ловушку, однако на это ушло чересчур много времени.

– Подсуживать кому-то из участников не совсем честно, – прошептала мне на ухо Дмитриева.

– О чем ты? – сделал непонимающее лицо я.

– У некоторых очень сильные ловушки, а у кого-то...

– Лиза, ты говоришь глупости, – с непроницаемой физиономией ответил я. – И не отвлекай меня.

Конечно, она была права. Горчаков нарисовал схему размещения ловушек, но вот уже их я выбирал сам. А что? Их одинаковое количество? Одинаковое. А то, что некоторые невозможно обойти и они потребуют слишком много усилий – вопрос другой.

Тем временем Извольский вновь налетел на очередной капкан – и теперь его окатило Проклятием. Последствия которого стали действовать сразу же, на середине лестницы к третьему ярусу рука Леонида соскользнула, и он рухнул вниз.

– Вот ведь, – покачал головой Макар.

Бабичев обогнал своего визави почти на ярус, потому что уже подобрался к переходу на заключительный, пятый этаж посада. Конечно, о былой скорости не шло и речи. Костя еле стоял на ногах. А чтобы залезть, ему и вовсе понадобилась почти минута. Претенденты же все резвее набирали ход. «Дракон» уже догнал Извольского.

– Он сейчас выиграет, – с тревогой посмотрела на меня Лиза.

– Там, в конце, будет основная ловушка, – прошептал Гор-

чаков.

А я лишь улыбнулся. Пока все шло по плану. Еле волочащий ноги Бабичев плелся так медленно, что его мог бы обогнать маленький ребенок. И вот дойдя до нужного места, Костя остановился. До постамента с Рукой, как бы забавно это ни звучало, можно было рукой подать.

Но Бабичев стоял. Он не знал, что эту ловушку, в отличие от всех остальных, обойти нельзя. Возможно, конечно, чувствовал. Все-таки не самый последний маг.

А потом я ощутил, как Костя стал наполнять форму защиты силой. Казалось, он выуживал все остатки из своего арсенала. И после сделал решительный шаг вперед.

Пламя сработавшей ловушки взметнулось вверх на десяток метров, на мгновение скрыв из виду претендента. А когда опало, то оказалось, что Бабичев все еще стоит на ногах. Бог знает как, но стоит.

Наверное, это очень сильно удивило зрителей, которые закричали от восторга. Их – может быть, но не меня. Лиза оказалась права, не у всех ловушки были одинаковой силы. К примеру, Константину Бабичеву я поставил самые слабые. Потому что знал: тот поперет напролом. Изучил немного характер своего противника.

Капитан «Сынов Отечества» протянул руку и поднял над головой трофей. Тот самый, который теперь должен был навсегда достаться ему. А после посмотрел на меня. Я с невероятно кислой миной вяло аплодировал, тогда как остальные

зрители орали от восторга.

– Поздравляем! – тщетно пыталась перекричать толпу Лиза. – Капитан «Сынов Отечества» становится первым, кто забирает трофей!

Подождав положенный срок, я развернулся и пошел прочь. Выплатой победителям займется Лиза, заработанные деньги после привезет Горчаков. За мной увязался только Макар.

– Так ли надо было, чтобы он выиграл? – спросил тот.

– Конечно. Бабичев бы по-другому не успокоился. Кстати, грубовато сделал, мизинец торчит.

– Времени мало было. Да и вообще, я не этот, как его... скульптор.

– Да нет, ты молодец, – хлопнул я Протопопова по плечу. – А что с оригиналом, разобрался?

– Кажется, да. Но только вряд ли тебе это понравится.

Интерлюдия

В кабинете Императора было прохладно. Меншиковский дворец оказался хорош всем – красивый, просторный, находился в самом центре острова, однако в бытовом плане имел некоторые просчеты. И основным из них была система отопления.

К примеру, вчера (и уже не в первый раз) треснул один из котлов, отвечающий за водяное отопление дворца. Потому пришлось прибегнуть к самому варварскому способу – колоть дрова. Максутов глядел на только занявшиеся в камине поленья и ежился от свежести. Пройдет еще минимум полчаса, пока нагреется кабинет. Он бы на месте Его Величества за подобную халатность давно выгнал и истопника, и гофмейстера. Ведь это его просчет, самый настоящий. А если говорить открыто и начистоту – чудовищная некомпетентность. И пока подобное отношение будет продолжаться, никакого порядка не предвидится. Ни во дворце, ни в государстве. Но Его Величество все же старика гофмейстера простил. Слишком скуден состав уцелевших кадров, хотя, может, он и действительно не хотел ничего менять.

По всей видимости, сложно приходилось и пухлому тайному советнику обер-прокурору Покровскому. Тот постоянно тер озябшие руки, поглядывая на окружающих взглядом побитой собаки. Разумовский стоял недвижно, лишь изред-

ка покашливал. Впрочем, вряд ли из-за простуды, как пошутил про себя Максutow, это из гофмейстера выходила старость.

Что до Романова – тот холода не замечал. Ибо был увлечен невероятно важным и прелюбопытным делом – смотрел на карточный расклад Главного Вестника Империи. Максutow скривился от собственных мыслей. После разговора с мальчишкой его самого всегда коробило, если кто-либо говорил «Империя».

Ведь и правда, все, что осталось от великой России – этот клочок земли посреди врагов. Врагов, к слову, условных. Именно Его Величество решил, что все они – враги поголовно, оттого исход в противостоянии мог быть только один. Победа или магический пепел на выжженной земле, которая достанется победителям. Впрочем, и явных военных действий пока не объявлялось – ибо не время еще. Так, покусывали друг друга дипломатическими способами, в открытую обещая сотрудничество и прочее.

Занятие же, в которое сейчас погрузился Его Величество, являлось самым что ни на есть дурным предзнаменованием. Прикаса́ться к картам супруга запретила Императору строго-настрого. Еще после пьяных походов в Баден-Бадене. Или Будапеште? Максutow нахмурился – вот ведь, запомнил.

В общем, запретила без всякой возможности обжаловать. Твердо и четко. Как женщина решительная Елизавета Сер-

геевна наложила вето на все виды карт. В том числе и таро. И уж если Его Величество, больше всего на свете боявшийся расстроить жену, ослушался запрета – дело совсем плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.